Magic Worlds
Далия Трускиновская
Времена цвергов
— Проклятые народы —

Далия Трускиновская

Времена цвергов

«Автор»

2019

Трускиновская Д. М.

Времена цвергов / Д. М. Трускиновская — «Автор», 2019

Белые и тёмные альвы долго жили в мире и согласии. Лишь смутные легенды говорили, что не всегда было так. И верно – хватило одного безрассудства, чтобы нарушить вековой запрет и разбудить древнее Зло. Началась война, в которой люди и альвы обречены на гибель, а племя бегунов стало войском подземных убийц – цвергов. Но мудрые белые альвы создали три семечка, которые могли дать ростки, если их посадить в рану на человеческой ладони. Быть может, в этих ростках – спасение от не знающих пощады цвергов… Фирменный легкий, образный и самую малость ироничный стиль Трускиновской, помноженный на хронику оригинального и любовно выписанного мира.

© Трускиновская Д. М., 2019
© Автор, 2019

Содержание

Возвращение предков 5
Зеленый Меч 25
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Далия Трускиновская
Времена цвергов

Возвращение предков

Это не было войной. Просто они друг друга недолюбливали.

Не воевали, нет. До драк дело не доходило. От дедов и прадедов досталось необъяснимое знание: слишком ссориться нельзя, но и горячо дружить нельзя, родниться – тем более. При необходимости они встречались, заключали несложные сделки, вели краткие беседы, старались обходиться без споров, хотя случались несогласия, даже злобные несогласия.

Так бывает в семье, где младшие дети враждуют со старшими, но есть надежда, что вырастут, поумнеют и будут жить дружно. Хотя все зависит от причины вражды. Не поделили игрушки? Пройдет пора игрушек. Не поделили родительскую любовь? Старые обиды и обидки однажды потускнеют.

Хуже, если одно дитя – талантливо, наделено чуткостью ко всему живому и склонно к уединению, необходимому для тонкой умственной работы, а другое – куда как попроще, наделено чуткостью к неживому, постоянно нуждается в обществе себе подобных, испытывает пылкие чувства и презирает все то, чего не может понять.

– Осталось только догадаться, кто старший брат, а кто младший, – сказал Эннибeрд.

Ему нравилось порассуждать о непонятном. А это как раз и понять было невозможно – слишком давно случилось нечто, породившее белых альвов и темных альвов.

– Но в том, что они и мы от одного корня, сомнений нет. Я смотрел кровь – твою, свою, Элгибенны, а также кровь Браммара и Урара. Эти темные более сговорчивы, чем прочие в их роду, они позволили. Да, у нас общие предки, но заглянуть в глубину столетий я не могу – опасно это, сам знаешь… – Верриберд вздохнул. – Глубина затягивает.

– И даже если заглянем – это знание совершенно не требуется темным альвам. Оно для них лишнее, – усмехнулся Эннибeрд, причем с некоторым высокомерием, которым всегда отличались белые альвы.

– И нам оно тоже не требуется – с нас достаточно предположения, которое подкрепляется опытами. Не требуется! – строго сказал Верриберд.

Двое белых альвов, старший – Верриберд, и младший – Эннибeрд, любили такие беседы, насколько вообще понятие «любить» входит в гармоничное бытие белого альва. Им было приятно встречаться, чтобы потолковать о картине мира. Они создавали ее заново – и она должна была однажды погибнуть вместе с ними, потому что белые альвы никогда ничего не записывали. Они полагали: достаточно того, что сведения передаются из уст в уста, от наставника к ученику, и у них даже не завелось знаков для записи слов. При необходимости они рисовали на бересте, этого хватало. Другое дело – темные альвы, те вели торговлю и поневоле придумали обозначения для чисел и товаров.

– Но все же я хотел бы знать, отчего мы – беловолосые, а они – черноволосые, – сказал Эннибeрд.

– Это не дает тебе покоя?

– Почему мы выше ростом, чем они?

– Может, потому, что питаемся иначе. У них тяжелая пища, она их тянет к земле, а наша – тянет нас к солнцу. Вот как соки земли, что поднимаются по корням, из самой глубины к кончикам листьев на макушке кроны.

– Пожалуй, в этом есть смысл. Но почему они не выносят одиночества, а нам оно необходимо, как вода и воздух?

– Они не выносят одиночества потому, что их научили бояться одиночества. В пещерах, где они трудятся, что-то можно сделать, только объединив усилия.

– Видимо, ты прав.

Этот неторопливый разговор оба белых альва вели на поляне, где Верриберд поставил свой шалаш и разбил грядки с лекарственными травами. Место было выбрано неспроста – возле дерева, с которым у Верриберда был безмолвный уговор о поддержке и помощи. Для удобства он обложил толстый ствол этого дерева пластами дерна, получилась круговая скамья, она же защищала основание ствола в зимнюю пору. На ней и сидели альвы, мирно беседуя и лакомясь земляникой из глиняной плошки. Такую посуду и холсты для одежды они выменивали у людских племен, давая взамен тщательно подобранные пучки лечебных трав. Были у белых альвов и тканые шерстяные накидки для холодной поры, но мех и кожу они в уплату не принимали.

Сейчас оба достигли того состояния тихой радости, которым белые альвы очень дорожили. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь листву, давали умеренное тепло, проникавшее к костям. Беседа еще не дошла до той поры, когда уединение становится дороже. Расслабление тела было приятным и даже сладким. Обычно белые альвы испытывали это в одиночестве, но Энниберд и Верриберд сумели найти нужное соотношение речи, вопросов и ответов, солнца и земляники, чтобы ощутить свою тихую радость вдвоем.

– Но и мы, и они унаследовали чутье.

– Но у нас оно – к травам и ветвям, а у них – к камням и рудам. Один темный как-то рассказал мне, что сквозь земляную толщу в три роста может отличить богатую руду от бедной. Говорил – протягивает перед собой руки, руки что-то ловят, а что – объяснить не смог.

– Но если они чуют неживое, то могут ли они почувствовать приближение индерга?

– Наверно, они просто слышат, как он протискивается сквозь земляные слои, и вовремя уходят с его дороги, – предположил Верриберд.

– Значит, наши предки могли постичь и понять все? Они чувствовали и растения, и камни?

– Выходит, что так.

– А может ли быть, что предки сходились с женщинами людских племен? И рождались дети, получающие в наследство лишь часть способностей?

– Сомневаюсь. Это значило бы, что в тебе и во мне есть доля людской крови. А это вряд ли. Я даже не представляю, как это возможно. Мы и женщины… нет, даже представить не могу, как альв это делает с женщиной. А ты?

Энниберд вздохнул – он был еще молод и ни одной белой альве не предлагал своей близости.

– Мы слишком разные. Наши кости – из разного вещества. Я знаю, что ты сейчас скажешь, – Верриберд усмехнулся. – Людских племен много, и в давние времена люди и родственные им племена кочевали. Это теперь они стараются осесть на земле, построить дома и завести огороды. Раньше все было как-то разумнее – если начинаются холодные зимы, племя уходит на юг, если на юге засуха – уходит на восток или на север. Теперешние люди ради того, чтобы не бросать свои дома, воспитали в себе терпение. Я допускаю, что по причуде природы…

– Природы? – спросил Энниберд.

– Что-то же нас создало – и альвов, и людей, и бегунов, и животных… Я думаю, это можно называть природой, пока мы не знаем правды. Так вот, могли появиться женщины, способные иметь детей от альвов… Может, не совсем женщины, какие-то похожие на них существа.

– И альвы вступали в союз с таким существом?

– Да. Допускаю… Может быть, то племя, откуда предки могли брать себе подруг, давным-давно ушло далеко на запад. А мы будем смотреть кровь племени, которое пришло потом и сейчас живет в Артейских горах, и ничего там не обнаружим. Ага, туесок полон!

Просверлив металлическим прутиком, выменянным у темных альвов, толстую кору своего дерева и приладив маленький желобок, Верриберд добывал земные соки; пропущенные сквозь корни и ствол, обогащенные их живой силой, соки могли на несколько дней заменить белому альву пищу.

Темные альвы нуждались в ином – в плотных тяжелых лепешках, в мясе, свежем и вяленом, в копченом сале, в рыбе, в жирном сыре, в густых кашах, куда они кидали все, что подворачивалось под руку. Они выменивали у людей такую пищу, которую можно брать с собой, уходя на много дней в нижние пещеры. Молоко и сливки тоже брали, но мало – только для своих малышей.

И все же белые и темные были в родстве – это замечали даже люди, переселенцы с севера, бежавшие на юг от наступающих ледников. Острые подбородки, особый разрез глаз, отсутствие переносицы – сходство сразу было заметно. Люди смеялись – если натереть сажей белого альва, получится темный, если отмыть темного – получится белый. Смеялись, но и побаивались тех, кто живет в пещерах, и тех, кто живет в лесах.

Люди их не понимали.

Люди ставили на холмах дома, окружали их частоколами – от диких зверей и от вражеских набегов. Потом стали возводить каменные стены, обжигать кирпичи, строить дома и замки. Белые альвы зверей не боялись из Артейских, Клаштейнских, Земмельдинских и Гонштейнских гор, они умели делать так, что звери их не видели. А в пещеру к темным альвам ни один зверь не рискнул бы сунуться.

Они растили искусных кузнецов, которые делали отменное оружие – ножи всех видов, короткие мечи, наконечники для стрел и рогатин, бляхи для деревянных щитов, обтянутых толстой кожей. Каждый темный альв умел управляться с этим оружием, и во времена, когда людские племена беспрепятственно разгуливали по земле, темные альвы не пускали их в свои пещеры. Когда люди осели на земле, стычки прекратились, началась разумная торговля.

Потом люди стали ставить крепости в устьях рек, куда могли бы приплыть с товарами купцы. Крепости обрастали поселениями, где жили ремесленники. Но темные альвы отказались уходить из Артейских, Клаштейнских, Земмельдинских и Гонштейнских гор, из обжитых пещер, откуда вниз вели узкие ходы и шахты, удобные для подъема руды. Поэтому горожане, собираясь в небольшие караваны, ездили к ним за товаром и везли для мены свой товар. Товар – брали, особенно уважали скованные темными альвами гвозди, ножи и всякий приклад для строительства, но понять кузнецов даже не пытались.

Испив земного сока, Эннберд встал и закинул за спину плетенный из лыка короб. Он поставил свой шалаш на озерном берегу и приносил другим белым альвам целебные корневища аира, молодые побеги тростника и раковины-перловицы, заменявшие небольшие ножи, от них же забирал лесные травы и сушеные грибы с ягодами.

Кое-кому из старых альвов он приносил корневища, не требуя ничего взамен. Так повелось издавна.

Достигнув почтенного возраста в сотню и более лет, одни белые альвы тихо угасали, таяли под ровным потоком солнечных лучей, сливались с землей, но другие, а их было немного, словно бы переходили усилием воли в иную жизнь, где все строилось по иным законам. Они получали обычной пищи втрое меньше, чем полагалось бы, но воспитывали в себе способность превращать в жизненную силу солнечный и лунный свет. Кто этому научил первого белого альва – они не знали, зато знали, что в высохшем теле просыпалась неожиданная сила и с ней приходилось обращаться очень бережно, даже трепетно, чтобы не наделать беды.

Эннберд шел хорошо знакомой тропой. Из людей мало кто догадался бы, что это тропа, но белые альвы умели видеть тайную жизнь растений, и засохший корешок говорил им больше, чем следопыту из людей – глубокая колея от колеса тачки.

Вдруг он остановился. Колыхание, что передавалось от травинки к травинке, подсказало ему – поблизости кто-то идет; судя по легкой поступи, тоже альв. Эннибeрд коснулся пальцами ветки, посылая колебание воздуха во все стороны. Ему ответили. И очень скоро он увидел девушку. Это была, как он уже знал по беззвучной поступи, белая альва, в легком девичьем веночке из колосьев. Она приходилась старому альву, которому он нес корневища аира, внучкой, и звали ее Сегебенна.

Длинная холщовая рубаха альвы не сияла белизной, как полагалось бы, а была выкрашена соками ягод в красноватый цвет. За плечами у Сегебенны, как и у Эннибeрда, был лубяной короб. Там помещались все ее нехитрые пожитки в пору долгих походов за целебными травами.

Альвы были одиночками, как мужчины, так и женщины. Жен себе они брали на время, чтобы продолжился род. Брачная пора длилась год-полтора, не более, начиналась по разумному сговору и завершалась без упреков.

Дети, рожденные от этих браков, довольно рано покидали мать и шли на обучение к кому-то из старших альвов. К союзу наставника и воспитанника белые альвы относились серьезнее, чем к отцовским и материнским узам. Сегебенна одно время училась у Верриберда, потом нашла себе наставницу. Она поможет освоить малую женскую магию, нужную, чтобы облегчить белой альве носить дитя и родить его, а потом и воспитывать. Эннибeрд не видел ее уже очень давно, их тропы не пересекались, сколько ей лет – альв не знал, но ему показалось, что Сегебенне уже пора носить женский венок, украшенный сухими плодами.

Ее белые волосы были подобраны сзади и на затылке обвивали венок. Так было удобнее собирать травы, прямые и жесткие пряди не лезли в глаза. Глаза у нее были, как у всех белых альвов, зеленовато-серые, почти прозрачные.

Эннибeрд приветствовал альву мужским жестом – обе руки прижаты к сердцу. Она ответила женским поклоном, при котором руки соединяются в замок на груди.

– Ты была у старика? – спросил Эннибeрд.

– Да, забрала у него рубаху, чтобы постирать, дала ему чистую. И у меня были вопросы. Женские вопросы.

– Ты не могла их задать Ингоренне?

– Не могла. Это для нее слишком сложно.

– Значит, ты к озеру сейчас идешь?

– Нет, к Ручью-в-тени. В озеро, чтобы постирать, приходится заходить по колено. С ручьем проще. И там есть камни, которые нужны для стирки.

Больше им говорить было не о чем. Эннибeрд не знал, о чем спрашивать альву. Хотя одна мысль все же родилась: неплохо бы узнать, выбрала ли она мужа. Если нет – вполне можно договориться. Она хорошо сложена, лицо и голос у нее приятные, забота о старике тоже говорит в ее пользу. А Эннибeрду пора брать жену. Все совпадает…

Осталось принять решение.

Правила брачного ритуала Эннибeрд знал. Сперва – ласковые слова и обязательно подарки, совместные походы по лесу туда, где растет целебный мох, и туда, где грибные поляны. Потом – вопрос, который нужно задать посреднику или посреднице. И уж тогда известить род, что молодая пара уходит в горы. Там, в полном уединении, можно провести хоть год, не заботясь о пище и питье, – это принесут родственники и оставят у приметного камня. Там есть небольшие пещеры, которые не нужны темным альвам, и в пещерах даже сложены каменные очаги – ночи наверху прохладные. Если принести охапки сена и еловые лапы, можно изготовить прекрасное свадебное ложе. Обычай отправлять молодых в пещеры – такой давний, что и старики не скажут, откуда он взялся. Так повелось от общих предков.

Потом альва уходит к матери и старшим альвам – растить дитя. Возможно, будут еще встречи, еще одно путешествие в горы, еще одно дитя. А может, и нет.

Все это Эннинберд знал. Но сразу говорить ласковые слова не принято – может, у альвы есть на примете другой. И потому Эннинберд, вежливо простившись с Сегебенной, пошел к старику.

Альв, уже почти лишившийся плоти, стоял на пригорке, лицом и ладонями к солнцу. Казалось, лучи пронизывают его насквозь и ничего иного ему от жизни уже не требуется. Однако аиру он был рад и, не оборачиваясь, сказал, куда положить.

Эннинберд особой любезности и не ожидал. О стариках заботятся, не требуя ничего взамен. Но у него был вопрос.

– Далеко зашедший в годах, я встретил твою внучку Сегебенну, и она мне понравилась. Есть ли у нее альв, который дарит ей подарки?

Вот тут старик повернулся.

– Она переменилась, Эннинберд. Она стала другой, и уходит от меня торопливо, словно ее кто-то ждет. Если бы она видела в нем мужа, то рассказала бы мне. Эннинберд, об этом не спрашивают, альва имеет право не ответить даже далеко зашедшему в годах. Эннинберд, пойди за ней по следу.

Это был приказ.

– Пойти по следу, а потом вернуться к тебе? – уточнил Эннинберд.

– Да.

– Она сказала, что пошла к ручью стирать твою рубаху.

– Она не брала у меня рубаху.

Эннинберд ушам своим не поверил.

Он знал, что такое ложь, потому что встречался и с людьми, и с темными альвами. Брамар и Урар, темные альвы, были приятелями Верриберда, приносили ему снизу, из пещер, цветные камни, он их поил соками земли. Такое приятельство хоть и редко, но встречалось. Но в отношениях с людьми темные альвы были горазды на любой обман, да и люди ухитрялись заплатить им за руду и за кузнечные изделия меньше, чем следовало бы. С белыми альвами они себе такого не позволяли – белых альвов люди побаивались, считая, что они творят добро потому, что им лень творить зло. И в самом деле, тот, кто собирает целебные травы, уж точно знает ядовитые. А если бросить ядовитую траву в речку, то отравленная рыба всплывет кверху брюхом и лошади, которых привели на водопой, будут потом долго хворать.

– Я пойду по следу, – сказал Эннинберд.

Ему уже не была нужна альва, он хотел понять природу лжи.

Эннинберду было мало тех познаний, что передали наставники, он думал о чем-то странном и, возможно, ненужном. Общие предки белых и темных альвов очень его беспокоили, он пытался понять, как вышло, что одни унаследовали одно, а другие – другое.

След вывел к Ручью-в-тени, но там и обрывался – Сегебенна перешла ручей. Никаких следов стирки альв не обнаружил. Он тоже перешел на другой берег и узнал, что альва направилась вниз по течению – туда, где Ручей-в-тени теряет свое имя, потому что уходит из леса, где над ним смыкаются древесные кроны.

Альвы не очень любили бродить по открытой местности, разве чтобы найти нужные травы. Но Сегебенна пошла прямиком через луг, не прикасаясь к травам, и Эннинберд – за ней следом.

Он обнаружил альву на берегу речки Неринне. Она была там не одна, а сидела на невысоком обрыве, свесив ноги вниз. Рядом с ней был темный альв.

И они громко смеялись!

Не то чтобы смех у белых альвов был под запретом, нет! Они могли тонко пошутить, могли ответить на шутку, их забавляли праздничные песни людей, порой довольно непристойные. Когда альв и альва вместе уходили в горы, никто за ними не подсматривал, никто их не

подслушивал; возможно, там они веселили друг друга и хохотали. Но вести себя так в двадцати сотнях шагов от леса, да еще вместе с темным альвом? Это было очень, очень странно.

Между белыми и темными альвами отношения были построены главным образом на обмене. Молодежь, белая и темная, меньше озабоченная делами, могла встретиться только случайно.

Темный альв, обнимающий за плечи белую альву, – это было возможно, так же возможно, как союз между альвом и женщиной людского племени. То есть об этом можно было рассуждать, строить предположения, и не более. Увидев рядом две эти головы, черноволосую и беловолосую, почти прижавшиеся висками, Эннибeрд даже растерялся.

То, что Верриберд называл природой, преподнесло неожиданный и опасный подарок. Отчего вдруг возникло ощущение опасности – белый альв не знал. Но он так чувствовал – и, как у всех белых альвов, чувство заменяло полученные от старших или от самого леса сведения.

Темный альв сидел там, где ему сидеть было опасно, на солнцепеке, но Сегебенна смастерила ему забавную шапку, связав вместе несколько больших листов лопуха. Они прикрывали его лицо, а на плечах у него была накидка Сегебенны, так что солнце не могло причинить ему вреда.

Эннибeрд подошел поближе. Темный альв не распознал его шаги, зато распознала Сегебенна. Она обернулась.

– Старик послал меня, – сразу сказал Эннибeрд. – Он беспокоится о тебе.

– И напрасно, – ответила альва. – Ничего со мной не случится.

– Уж я не дам свою женку в обиду, – подтвердил темный альв. И, вскочив, показал Эннибeрду свое оружие – слева на поясе длинный кинжал в узорных ножнах, справа на поясе метательные цепные шары.

Эннибeрд, разумеется, был безоружен.

– Ты хочешь вступить в союз с этим альвом? – спросил он.

– Я хочу быть его женой. Быть женой всегда, а не только год в горах.

– Разве такое может быть? – удивился Эннибeрд.

– В пещерах – да, – ответила альва. – Именно так там и живут. У каждой пары своя ниша, муж выкапывает ее для будущей семьи, жена содержит в порядке. И обычно там много красивых долговечных вещей. Не то что в наших шалашах.

Тут Сегебенна была права. Если белому альву требовалась посуда кроме глиняной, что порой приносили люди, – он мастерил ее из древесной коры, о том, чтобы как-то украшать шалаши, белые альвы не беспокоились – не видели в этом смысла. Разве что вешали у входа цветочные венки, и то со смыслом: это означало, что хозяин или хозяйка шалаша ищет себе пару.

– Уйти навсегда в пещеры? – Эннибeрд не понимал, как это возможно. В пещерах темно, освещаются они кострами и факелами, темные прекрасно видят во мраке, а Сегебенна привыкла к солнечному свету…

– Да. Буду подниматься наверх за травами, разобью свои грядки.

– Но что ты будешь там есть? Они же едят мясо!

– Послушай, друг, – вмешался темный альв, – меня зовут Арриар, я сын нашего старшего. Если моя женка пожелает яиц крапчатого дятла, есть кого послать за ними. Мы выменяем для нее все, о чем она попросит.

– Но жить в пещерах? Не видеть солнца? – Эннибeрд все никак не мог осознать беду, в которую попала альва.

– Мы видим солнце побольше, чем вы, белые. Мы выходим на вершины холмов и греемся. Главное, чтобы голову не напекло. А вы не выходите из-под древесных крон. А в пещерах тепло, и мы зимой всего лишь накидываем туники из шкур, не то что вы, белые!

Тут Арриар был прав. Зима становилась тяжким испытанием для белых альвов. Они умели делать плотные стеганые ткани, где между слоями холста, принесенного людьми, были слои птичьих перьев, они умели плести из лыка прочную обувь, если выпадало много снега, они выменивали у людей теплые накидки с капюшонами, они обкладывали снегом свои шалаши и делали там полы из плотно уложенных толстых веток, покрытых еловыми лапами, в каждом шалаше был маленький переносной очаг, но порой запасы съедобных корней и сушеных ягод заканчивались раньше, чем наступала весна и деревья могли напоить соками земли. Приходилось вводить себя в сон, болезненный и мучительный, но иного способа дождаться весны белые альвы не знали.

Разумеется, ребенку зимой было бы лучше в пещерах…

– Я буду носить кожаную обувь, – с непонятной гордостью заявила Сегебенна. – В ней ноги никогда не мерзнут. Прошлой зимой я думала, что останусь без ног. И буду греться у большого огня. И буду пить горячие отвары, когда только захочу, потому что костер горит день и ночь.

– Сегебенна, ты должна все рассказать старшим, – твердо сказал Эннибeрд.

– Никому моя женка ничего не должна, слышь, ты, белый, – ответил темный альв и обнял подругу за плечи. – Раз уж так вышло, что ты застал нас вместе, то я прямо сейчас и уведу женку в пещеры. Хватит там для нее богатых шерстяных туник и накидок! И обувь я для нее выменяю хорошую, узорную, а если родит мне сына – получит лучшее городское ожерелье. Я работы не боюсь, белый! Я не слоняюсь по лесам без дела, а хожу с братьями добывать руду и цветные камни, я чую камни на расстоянии в два роста, потом – служу подручным у кузнеца, если выучусь – сам буду выплавлять и ковать железо. Вот, посмотри!

Он показал свои широкие ладони. На одной такой ладони могли уместиться две узкие изящные кисти белого альва.

– Сегебенна, почему он отвечает за тебя? – спросил удивленный Эннибeрд.

– Потому что я – муж, я и должен отвечать за жену. Это навсегда, понимаешь ты, белый?

– А твои старшие?

– Они знают. Они сказали – бери хоть медведицу, твое дело. Но когда я приведу в пещеры свою женку, ее хорошо примут и принесут подарки.

Тут Сегебенна улыбнулась, и белый альв понял – она очень хочет подарков. Она хочет, чтобы у нее в уголке, отгороженном плотной пестрой холстиной, были на полочках большие чаши и блюда из привозной белой глины, чтобы там же стояли ларчики с прикладом для рукоделия, чтобы на сиденьях и на ложе лежали мягкие шкуры, чтобы свой котелок над своим очагом, в котором булькает вкусная похлебка для своего мужа.

– Сегебенна, ты же привыкла каждый день, пока не настанут холода, купаться в ручьях! – вспомнил Эннибeрд.

– Каждый день вряд ли, но женка будет ходить к подземной реке, у нас есть река Регинне, ты не знал? Не бойся, с ней будут ходить моя сестра и женка старшего брата.

– Вы разве умеете плавать?

– Зачем же плавать? Ни к чему это. Наши сестры обливаются водой, этого достаточно, и они приносят воду мужьям и детям. У моей женки будут хорошие подруги…

– Кто?

Белым альвам было знакомо понятие «дружба», но они решительно не знали, какой в нем прок. Если белый альв попадал в беду, весь род приходил на помощь, спасал, лечил, но потом альвы опять разбредались по лесам и бродили, собирая травы, каждый сам по себе.

– Муж, сейчас я скажу, – наконец вмешалась Сегебенна. – Я хочу жить среди женщин, с которыми можно говорить о мужьях, детях, праздниках…

– О чем?

– Женка, он и этого не знает! – развеселился Арриар. – Мы собираемся вместе, чтобы пировать, плясать и веселиться. У нас есть праздник первого луча после зимнего солнцестояния, праздник первых трав, за которыми мы выпускаем детей, праздник избранников – когда к нам, артейским альвам, приходят темные альвы даже из-под гор Клаштейна, чтобы выбрать себе жен. Знаешь что, белый? Приходи к нам! Все покажем, сделаем тебе подарки. Мы любим дарить, белый! Мы с людьми торгуемся за каждый грош, но для друзей ничего не жалеем.

Темнокожий, белозубый, веселый Арриар смотрел прямо в глаза Эннибердy, он был ниже ростом, а смотрел так, будто они вровень. Белый альв не выдержал взгляда и отвернулся.

– Делайте, как знаете, – сказал он. – Сегебенна, что передать старику?

– Когда я рожу мужу сына, то принесу ребенка, чтобы он благословил, – ответила альва.

– Ты ведь даже не знаешь, могут ли от вашего союза родиться дети.

– Могут, – твердо сказал Арриар.

И что оставалось делать Эннибердy? Он ушел.

Старый альв внимательно его выслушал и нахмурился.

– Я не знал, что им нужно именно это… – задумчиво произнес он. – Я думал, им тоже нравится в одиночестве бродить по лесам. Но наши красавицы хотят того, что мы не можем дать, и это плохо. Опасное дело она затеяла. Посмотрим, какой ребенок у нее родится.

Ребенка Сегебенна принесла полтора года спустя.

Она была, как обещал Арриар, в дорогой одежде, а ребенок – в рубашечке из тонкого холста, в стеганом одеяльце.

Старый альв смотрел на дитя – и способность чувствовать все живое, подсказывала: младенец, чье лицо было не белым и не смуглым, а серебристым, таит в себе опасность и лучше бы ему вовсе не рождаться.

Но старый альв все же возложил на него руки и насупился.

– Сегебенна, оставь меня с малышом, уйди в лес до завтрашнего дня, – приказал он. – Малыш не почувствует голода.

– Я знаю.

Сегебенна пошла искать свою наставницу Ингоренну, у наставницы была другая ученица, и Сегебенна рассказала юной альве, как хорошо живется в пещерах. Она действительно была счастлива – в длинном красном городском платье, надетом нарочно, чтобы похвастаться, в покрывале замужней женщины, как носят в пещерах, в кожаных башмачках и полосатых чулках – именно такие чулки пригодились бы в лесу зимой, но белые альвы не знали об их существовании. Юная альва, Деабенна, смотрела на эту роскошь с восторгом.

А старик ошибся. Он не мог этого предвидеть, потому что красоты городского красного платья, вышитого узорами из цветов и треугольников, для него не существовало.

А юная альва вдруг поняла, что такое красота, вложенная в вещи. И ее собственная холщовая рубаха, подпоясанная темным шнурком, показалась ей скучной и жалкой.

Когда Сегебенна вернулась, старик сказал:

– Оставь мне ребенка.

– Моего ребенка?! Почему?

– У него двойной нюх. Он унаследовал от тебя нюх к живому, от своего отца – нюх к неживому. Он будет чувствовать и травы, и камни.

– Ну и что?

– Он может причинить тебе горе. Я должен сам его воспитать.

Сегебенна за полтора года в пещерах отучилась уважать полупрозрачных белых альвов. Она схватила ребенка и унесла.

Эннибердy, принеся старому альву травы и ягоды, узнал об этом и понес известие к Верриберду.

– Выходит, в этом ребенке воплотилась двойственная суть предков? – удивился Верриберд. – Как все, оказывается, просто. Но знаешь, чего я боюсь? Что дитя с такими способностями не сумеет развить их в пещерах.

Бояться следовало другого – того, что темные альвы, распознав двойной нюх, станут учить ребенка на свой лад. И вскоре обнаружат в нем еще и иные способности. Верриберд также не мог предположить, что юная альва Деабенна пойдет по следу Сегебенны и выйдет ко входам в пещеры. Там, у входов, она найдет темных альв, сидящих на траве с детишками, и поладит с ними. Потом она вернется в лес за своим имуществом и встретит белую альву Коребенну, свою сестру по отцу…

Прошло два года, прежде чем белые альвы поняли – в лесах поубавилось невест. По меньшей мере десять белых альв предпочли жить с мужьями в пещерах и там рожать детей, а о тайных способностях этих детей они сперва даже не задумывались.

Прошло еще девять лет.

К Верриберду пришли его давние приятели Браммар и Урар, принесли маленькие ножи и чашки из красной глины. Взамен же попросили травы, какие белые альвы дают мальчикам в пору созревания, чтобы усмирить их внезапно буйный нрав.

– Они прирожденные повелители, желания править у них много, а ума пока что мало, – сказал Урар про сыновей, унаследовавших двойной нюх. – Они пытаются править другими детьми, и родителям приходится разнимать драки. Все дети дерутся, но эти – с каждым годом все крепче, и матери уже не справляются. И они по наитию, без всякого обучения, проделывают всякие странные штуки. Втроем они могут подчинить себе волю взрослого альва, но ненадолго, он вскоре приходит в себя. Сам понимаешь, как-то их надо усмирять, не то эти альвриги наделают нам бед.

– Как ты их назвал? – спросил Верриберд.

– Не я, их матери так назвали. Не альвы, а нечто иное. Альвриги. Откуда они взяли это слово? Они держатся друг за друга. Мы боимся, что они однажды соберутся и выйдут из пещер. А они же еще дети. И чем кончится их первая встреча с людьми – никто и представить не может.

– Хотят властвовать… Выходит, наши общие предки тоже были властными и упрямыми? – предположил Верриберд.

– Ты думаешь, белый, что в них воплотился дух предков?

– Я, право, уже не знаю, что и думать. Недавно они почуяли приближение индерга. Не услышали, а почуяли. К счастью, он не вломился в пещеру – он всего лишь шел на водопой.

– И вот что еще плохо, – добавил Браммар. – Их матери даже не пытаются их усмирить. Они гордятся сыновьями. Гордятся их ростом, их голосами, их серебряными лицами.

– Это плохо? – удивился Верриберд. Он не воспитывал своих сыновей и не знал, какие ловушки подстерегают родителей.

– Мы думаем, что плохо. А деваться нам некуда. Не можем же мы выгнать из пещер жен, которые нам родили сыновей, – объяснили темные альвы.

Верриберд попросил приятелей подождать, а сам ушел в лес. Он хотел найти Элгибенну, мать своего старшего сына, которая стала наставницей, и узнать о травах, укрощающих буйство.

Альва поставила свой шалаш неподалеку, но Верриберд ни разу не навестил ее – просто не понимал, зачем это нужно. И вот нужда появилась.

Элгибенна сидела на траве и сплетала корешки в зимнюю косу. Эта коса должна быть подвешена в шалаше, чтобы всегда можно было протянуть руку и отщипнуть лакомый кусочек. Рядом были уже подготовленные низки сухих ягод.

Верриберд обратился к ней так, будто они лишь вчера спустились с гор и ненадолго расстались.

Элгибенна готового пучка трав под рукой не имела, но собрала его из того, что было. Она постарела – как, впрочем, и Верриберд. Но у белых альвов нет зеркал – они считают, что видеть себя ни к чему.

– Это в самом деле поможет? – спросил Верриберд, удивившись, что все травы в пучке – знакомые.

– Это даст долгий и крепкий сон, после которого альв полдня ходит, словно малость не в себе, – ответила она. – И на человека это действует похоже. Есть болезни, сам знаешь, когда тело – лучший лекарь, нужно просто позволить ему работать.

– Темные уверены, что вы даете мальчикам какой-то отвар в пору созревания. Это – те самые травы?

– Да, – не совсем уверенно сказала Элгибенна. – Погоди, я приготовлю еще.

Верриберд уже уходил с полным коробом трав, когда Элгибенна окликнула его:

– Отчего ты не спросишь о нашем сыне?

– О сыне? Я думал, ты сама что-нибудь расскажешь.

Белые альвы были не любопытны. Если бы с сыном что-то случилось – лес бы уж знал и донес весть. А что могла рассказать Элгибенна? Что сын увел в горы кого-то из молодых альв? Что у сына еще одно дитя? Но какое это имеет значение?

Элгибенна едва заметно вздохнула.

– Ладно. Ступай.

Когда Верриберд вернулся, Браммар с Ураром играли в камушки. Это белому альву тоже было непонятно – его мир обходился без игры.

– Я принес травы, – сказал он. – Думаю, их надолго хватит. Сколько у вас мальчиков?

– Тех, кому уже требуется отвар, – восемь, – ответил Урар.

– Покажи на пальцах.

Хотя большинство слов темных альвов было понятно белым альвам, но попадались и такие, которые требовалось пояснить.

Когда Урар и Браммар ушли, Верриберд сел на скамью, прислонился спиной к древесному стволу и стал думать. Сперва он попросил у своего дерева силы, чтобы эта сила вошла в его голову, в его рассудок. Этому белых альвов обучали с детства. Потом он попросил совета.

Дерево, возле которого Верриберд поставил шалаш, было старым, очень старым – возможно, даже помнило предков. Его советы чаще всего бывали мало понятны, приходили в рассудок не словами, а ощущениями. Вот и сейчас – Верриберд ощутил страх. Дерево делилось с ним каким-то давним страхом.

И он впервые подумал, что далекие предки имели не очень-то верное понятие о добре и зле.

Потом наступила зима. Темные альвы продолжали трудиться в земной глубине, а горожане приезжали за товаром на санях. Белые альвы старались спать как можно больше в своих шалашах.

Верриберда разбудил Эннибeрд. Он ввалился в шалаш без предупреждения.

– Возле озера ходят люди, они угрожали мне, – сказал молодой альв. – Они отчего-то решили, будто я украл у них ребенка. На что мне людской ребенок? Если мне захочется иметь дитя, я не пойду за младенцем к людям!

Он был взволнован и даже сердит – редкое для белого альва состояние.

– Забирайся сюда, а то замерзнешь, – пригласил Верриберд, уступая нагретое место. – И рассказывай, что там произошло.

– Я сам толком не понял. Эти люди, горожане, придумали, что им нужно кататься в санях по озерному льду. Они взяли с собой детей, позвали бегунов – знаешь, тех, что пришли из-за Земмельдинских гор и нанялись в Эрменрийхе гонцами и носильщиками. Они повесили лошадям и бегунам на шеи лисьи хвосты, сани тоже как-то убрали…

– Что убрали?

– Ты живешь в лесу, ты не видел этих повозок, которые скользят по снегу и по льду?

– Ах эти? Видел. На них приезжают за дровами.

– Дети бегали, кричали, играли, они ушли далеко – туда, где Неринне впадает в озеро. Потом взрослые стали звать их, послали за ними бегунов, те их не нашли…

Верриберд вздохнул – племя бегунов разумом не блистало. Вот чем оно блистало, так это скоростью бега. Почти люди, только покрытые шерстью, быстроногие и выносливые, считали белые альвы, и иметь с ними дело все равно что иметь дело с детьми. Бегуны часто нанимались к горожанам – таскать повозки и сани, переносить небольшие грузы в случаях, когда нужна именно скорость. Нанимались они и на службу к баронам, но в замках не жили – не любили жить в тесноте. Если бы не они, вряд ли бароны с челядью и горожане лакомились бы свежими сливками от коров, что паслись на горных лугах.

Бегуны иногда ночевали в городах, но жили даже не в селах, а в стойбищах на лесных опушках, это было удобно – кому нужно, сразу мог их отыскать. Вот и сейчас их наняли для зимних забав, а расплатиться, скорее всего, пообещали жаренным на вертелах мясом, горячими пирогами, ароматными пряниками – тем, что сами они себе приготовить не умели.

– Потом люди сами поехали за детьми на санях. Тогда стало ясно, что одна девочка пропала. Ее начали искать, но нашли мой шалаш и разбудили меня. Они решили, будто я притворяюсь спящим. Я притворяюсь! Я!

– Не кричи, брат, – сказал Верриберд. – Как вышло, что другие дети потеряли эту девочку? Ты это понял?

– Такое бывает только у людей. Дети поссорились, девочка хотела что-то получить, ей не дали, и она стала на всех кричать. Дети даже испугались, а она убежала.

– И это было там, где Неринне впадает в озеро?

– Да.

– Отчего же эти люди искали ее возле твоего шалаша?

– Я не знаю. По-моему, они ее всюду искали.

– Но когда люди ходят по снегу, остаются следы.

– Да! Они видели следы возле моего шалаша, но сами затоптали их.

– Следы ребенка?

– Да! Позволь мне лечь. Моя голова устала…

– Ложись.

Верриберд укрыл Эннибердa шерстяным одеялом, а сам сел рядом и задумался. Летом он бы прижался спиной к своему дереву, но зимой деревья спали и не желали делиться силой.

Он мысленно нарисовал озеро с впадающими туда ручьями и речкой. Чуть подальше он поместил холм. Это был рукотворный холм. Его насыпали темные альвы из земли, которая образовалась, когда они рыли свои ходы и шахты. Но сыпали они откуда-то сверху. Верриберд напряг воображение и увидел за невысоким холмом другой, который уже был самым ближним отрогом Малого Артейского хребта. Где-то там были норы, из которых появлялись для торговли темные альвы.

Девочка могла, обидевшись, подняться наверх и забрести в нору. Но странно, что она не оставила следов. Люди не знали тайны легчайшей поступи белых альвов.

И люди могли быть опасны, очень опасны. Они не боялись убивать.

Верриберд видел, как охотники стреляют из луков по птицам и оленям. Он часто успевал спугнуть и птиц, и зверей. Вид крови вызывал у него отвращение. Люди, решившие, будто ребенка похитил белый альв, могут от злости убить и белого альва, даже не подумав, для чего ему дитя.

Слово «война» было известно альвам – и белым, и темным. Война с людьми ничего хорошего не принесла бы. Белым пришлось бы уйти как можно дальше от этих мест, темным –

искать других покупателей для своих товаров, а это означало долгий подземный поход туда, где другие реки и другие города с поселками. Да и другие темные альвы, которым соперники ни к чему.

Верриберд обул поверх лапотков, сплетенных из лыка, другие, побольше, а к ним приладил снегоступы из переплетенных веток. Белый альв может бегать по снегу, почти не оставляя следов, но если придется нести ребенка – без снегоступов не обойтись. Надев все самое теплое, он вышел из шалаша и побежал к Неринне.

Уже стемнело, на озере и его берегах мелькали огоньки – это люди при свете факелов искали девочку.

Склон, куда выходили две норы темных альвов, был заметен снегом, но Верриберд сразу понял: с этим снегом что-то не так, он не сам лег, а его уложили. Поднявшись поближе к норе, он позвал Браммара и Урара. Но на зов вышел незнакомый темный альв и не слишком любезно осведомился, чего тут нужно белому.

– Я прошу помощи, – сказал Верриберд. – Там внизу у людей пропал ребенок. Они думают, будто девочку унесли мы, белые. Они чуть не убили моего младшего брата.

Эннибeрд, скорее всего, и был родственником Верриберда, но очень дальним, и ветвями родства обычно ведали старые альвы-наставницы. В том, что старший назвал младшего братом, не было лжи.

– Подожди, белый, – сказал темный альв.

Ждать пришлось долго. Зато потом из норы выглянул Браммар. В руке у него была плошка с жиром, в котором плавал горящий фитилек.

– Идем к нам, – сказал он. – Ты все расскажешь нашим старшим.

Белые альвы иногда бывали в пещерах, но редко. Ступени лестниц, и вырубленных в камне, и изготовленных из веревок, их пугали. Но сейчас выбора не было. Пришлось идти, сперва вниз, потом вверх, потом опять вниз. Браммар отлично бы обошелся без огонька – светильник он взял для Верриберда. Тот умел ходить в темноте, но в лесной темноте, которая сильно отличается от пещерной.

Белый альв был ошарашен новыми запахами, в которых не было ни малейшей примеси лесной или озерной свежести.

– Вот он. – Браммар поднял светильник повыше, чтобы Верриберд мог разглядеть пещеру. – Сейчас он все расскажет.

Пещера была довольно велика и, как догадался белый альв, имела ниши, закрытые разрисованным холстом. Видимо, каждая ниша предназначалась для темного альва, его жены и детишек. Посередине был большой круглый очаг, у очага сидели старшие – плешивые, седобородые и грузные. Верриберд впервые видел этих старших и понятия не имел, что бороды могут быть такими же белыми, как его волосы. Он бы охотно потолковал и об этом странном наследии далеких общих предков, но понимал, что собеседники желают говорить о простом, а не о странном.

– Грейся у нашего огня, – сказал ему один из старших и указал место на шкуре оленя. Верриберд сел.

Пахло жареным мясом и еще чем-то, таким же неприятным.

– Рассказывай, что ты знаешь о пропавшем ребенке, – велели ему.

И он исправно пересказал все то, что знал от Эннибeрда.

– Хорошо, что пришел к нам, – буркнул старший. – Девочка у нас. Мы понятия не имели, где ее взяли мальчишки. Они хитрые, они придумали, как замести свои следы на снегу.

– Они еще хитрее, чем ты думаешь, темный, они оставили множество следов возле шалаша моего брата. А ноги у них маленькие, и люди обманулись.

– Вот оно что… Но теперь мы можем отдать девочку родителям. Окажи услугу, отнеси ее на озеро.

– Я отнесу.

– Меррар, дай ему плату.

Платой за услугу были два синих камня, как называются – Верриберд не знал.

После чего старшие приказали женщинам привести девочку.

В ожидании они расспрашивали Верриберда о жизни в зимнем лесу и предложили сделать для него большой переносной очаг из обожженной глины, если он заплатит за очаг летом грибами и ягодами. Эта мысль Верриберду очень понравилась. Он, со своей стороны, обещал показать темным альвам место, где после давней бури осталось много совершенно не нужного белым альвам бурелома, пригодного для костров. Доброе дело для леса сделает тот, кто расчистит бурелом, подумал Верриберд и рассказал темным альвам о том, сколько его много.

Из темноты вышла женщина в покрывале, и Верриберд по одному лишь росту признал в ней белую альву.

– Где девочка? – спросил главный из седобородых.

– Они не отдают. Говорят, она им нужна.

– Ты – мать? – строго спросил седобородый.

– Я мать, – подтвердила белая альва.

– Отчего твой сын тебя не слушает? Кто отец?

– Отец ушел вниз, будет не скоро.

– Отчего он не взял с собой сына? Мальчишку пора приучать к работе.

– Сын не захотел.

Седобородый от неожиданности даже рот приоткрыл.

– Как он мог не захотеть, если отец приказывает? – возмутился второй по старшинству темный альв.

– Но он же альвриг, – гордо ответила белая альва.

– Дети придумали игру, а ты тоже решила поиграть? – Седобородый начинал злиться. – Десяток мальчишек и две девчонки назвали себя альвригами! И поэтому делают, что хотят! Матери альвригов, ступайте к ним и заберите у них ребенка.

– Я не пойду, – отозвалась из ближней ниши белая альва. – Сын лучше знает, что ему нужно.

– Так… А твой муж где?

– Внизу, на новом руднике.

– Ты! – крикнул седобородый, обращаясь к расписной занавеске. Занавеска колыхнулась, но оттуда никто даже не выглянул.

Верриберд сообразил, что произошло.

Белые альвы поняли, что не созданы для жизни в пещерах. Уйти они не могли, и потому устроили, не сговариваясь, тихий и неумолимый бунт. Чего-то такого следовало ожидать, зная неспособность белых жить среди себе подобных. И дети стали их оружием, возможностью и поводом оказать сопротивление.

Он сам, если бы судьба вынудила отказаться от одиночества, примерно так и взбунтовался бы…

Но что тут можно сделать, Верриберд не знал.

– Белый, нам стыдно, – сказал седобородый. – Эти жены – твоего рода, может, ты знаешь, как с ними надо говорить? Нам стыдно за их непослушание.

– Если бы это случилось летом, я бы посоветовал выпустить их из пещер, пусть уходят. А дети… Я даже не знаю, что лучше, – оставить детей отцам или отдать их матерям. Точнее, я даже не знаю, что хуже.

– Ты хорошо сказал, но легче от этого не стало. Реррер, Вриар, Вриар-второй, ступайте и приведите мальчишек вместе с тем ребенком. Вам дозволяется все.

Три плечистых темных альва поднялись и молча пошли к норе, вход в которую Верриберд не видел, но угадывал во мраке.

– Он хочет привести детей силой! – воскликнула белая альва.

– Молчи, – приказал седобородый. – Вырастила непослушного сына, так молчи и терпи, когда другие будут учить его послушанию.

– Он – альвриг!

– Ты утомила меня своей глупостью. Что такое альвриг? Дети придумали слово…

– Выслушай меня, – сказал Верриберд. – Это необычные дети, у них двойной нюх. Матери знают это. Думаю, есть еще какие-то удивительные качества. Мы, белые, считаем, что такими были наши общие предки, пока что-то не разделило их на белых и темных. Может быть, слово – не придуманное, а возвращенное?

– Как дети могут вернуть слово? Придумали, – твердо сказал седобородый. – Сейчас их приведут вместе с девочкой. И ты заберешь ее. Плату ты уже взял.

– Заберу, – подтвердил Верриберд.

– Ты этого не сделаешь! – раздался звонкий голос. Одна из замужних скинула покрывало, и Верриберд узнал Сегебенну. Несколько лет он был ее наставником, пока ей не пришла пора искать себе наставницу, и он знал, что Сегебенна ушла в пещеры, но даже предположить бы не мог, что белая альва способна выступить против своего учителя.

– Сегебенна, ты… – начал было Верриберд.

– Я Абрура, – перебила она.

– Ты поменяла имя, а вместе с именем свою суть? – спросил белый альв.

– Я вернула свою истинную суть, – ответила она. – Мой сын хочет, чтобы девочка жила с нами. Это – главное.

– Девочку нужно вернуть людям, – возразил Верриберд. – Ей не место в пещерах.

– Но альвриги так решили!

Верриберд повернулся к седобородому.

– Я не понимаю, – сказал он. – У вас принято, чтобы матери так служили детям? У нас, белых, нет.

– И у нас – нет, – ответил седобородый. – Они пользуются тем, что отцы детей ушли вниз, за рудой.

Верриберд посмотрел на Сегебенну. Насчет сути он не был уверен, но вид, привычный ему вид белой альвы, она изменила: остригла белоснежные волосы, охватила голову повязкой из полосатой ткани, и руки ее, когда-то полупрозрачные, были черны от возни с очагом и с горшками. И лицо изменилось – белые альвы считали неприличным выражение злости и упрямства, они чаще всего позволяли себе легкую полуулыбку, а Сегебенна скалилась почти по-звериному.

И в ее лице Верриберд увидел нечто, для белого альва невообразимое, – гордость. Она гордилась сыном, который, как Верриберд сообразил, был старшим среди этих непонятных альвригов. Ведь Сегебенна первой ушла жить в пещеры…

Что тут можно сделать – он не знал.

Детишки темных альвов, сидевшие в дальних уголках большой пещеры и за пестрыми занавесками, не выдержали – стали понемногу приближаться к общему костру. Любопытство было сильнее привычки подчиняться старшим.

Снизу донесся пронзительный визг.

– Наш так вопить не может, – сказал седобородый. – Это девочка.

Вскоре из лаза в дальнем углу пещеры появились трое посланных. Один тащил за руку вопящее человеческое дитя. На взгляд Верриберда, девочка могла бы быть дочерью женщины от белого альва; такое случалось, хотя и очень редко; сам он этих детей не видывал, а только слыхал, что где-то за хребтом вроде бы много лет назад такое чудо появилось. У нее были

золотые курчавые волосы, торчащие во все стороны из-под меховой шапочки. И она изворачивалась, стараясь укусить за руку темного альва, который не выпускал ее крошечной белой ручки. Лет ей было около четырех, а может, и пять.

Другие двое пинками гнали перед собой тех, кого Верриберд уже мысленно называл альвригами.

Это были дети, больше похожие на белых альвов.

Они не унаследовали смуглой кожи отцов, но и светлой кожи матерей – тоже. Их лица и руки были цвета тусклого серебра. Коротко остриженные волосы – немногим темнее. Глаза – глубоко посаженные, что и среди белых, и среди темных иногда попадалось. А вот губы… Губы то и дело вздергивались вверх, обнажая острые зубы, что удивительно – с довольно длинными клыками.

Оказавшись у костра, они сбились в кучку, а девочка внезапно замолчала.

– Нет у вас стыда и совести, – сказал альвригам седобородый. – Потом мы придумаем, как вас наказать. Реррер, отдай девочку белому.

– Нет, нет, не хочу, не пойду, не хочу, не хочу! – завопила девочка.

– Чего ты хочешь? – подсказал ей один из альвригов, с виду старший; скорее всего, дитя Сегебенны.

– Хочу с тобой! Хочу с вами! Хочу их всех убить!

Это было уж вовсе неожиданно.

– Убить их, убить! – твердила девочка, топая ногами.

– Это больное дитя, – тихо сказал старший темных альвов. – Надо скорее вернуть родителям…

Верриберд молча смотрел на детей. И он увидел, как губы альвригов почернели, а вокруг них заплясали острые язычки серого со стальным блеском пламени.

Пламя у рта было ему знакомо – он видел такое, навещая совсем старого белого альва. Но там язычки светились бледно-розовым и голубым. И было это, когда альв, запрокинув голову, глядел на солнце и беззвучно бормотал слова благословения.

Всего мгновение промедлил Верриберд. Нужно было закричать, чтобы взрослые темные альвы растащили в стороны сомкнувшихся в ряд мальчишек, чтобы заткнули им рты. Ведь они не видели стального пламени – а Верриберд видел!

Всего мгновение молчания…

И тут альвриги запели.

Их лица так исказились, что старшие отшатнулись – им было страшно подойти.

Верриберд разбирал отдельные слова, улавливая не столько созвучия, сколько вложенную в них силу, и с ужасом понял: альвриги творят заклинание власти. Кто их научил – белый альв не знал; он видел, что старшие темных альвов не понимают, что происходит.

Видимо, проснулось не только слово «альвриги», но и кое-что более опасное.

– Замолчите! – крикнул Верриберд. – Урар, Браммар, надо, чтобы они замолчали!

Не приученное к крику горло не выдержало – Верриберд вдруг лишился голоса.

Зато закричали те, кто сидел в нишах за пестрыми занавесками. Матери выскакивали, не позаботившись о покрывалах, выносили детей и даже не возвращались за имуществом.

Верриберд услышал шум, исходящий из толщи земной, что-то вроде того скрипа, который слышат белые альвы, лежа на земле и следя за движением древесных корней, прокладывающих себе дорогу к водоносным слоям.

– Все наверх! Все наверх! – закричал седобородый.

– Пещера рушится! – воскликнул Браммар и кинулся на помощь своей жене, тащившей в охапке двоих близнецов.

И она действительно рушилась – сверху посыпались камни и серый песок. Верриберд с ужасом смотрел на стену, которую рассекло несколько трещин. Они обозначили большой

кусок, величиной с помост для купания на озере. Кусок рухнул в пещеру, а в проломе появилось белое огромное существо на толстых ногах. Оно неторопливо вошло в пещеру, и тут все увидели – на острой морде, завершавшейся толстым рогом, нет глаз.

Верриберд вдруг понял – это и есть индерг, чей неторопливый ход между земляными пластами порой слышали сверху белые альвы. Даже их старцы не знали, что это за животное, чем питается и как размножается; предполагали, что пьет воду из подземных рек.

От неожиданности альвриги перестали выкрикивать то, что Верриберд опознал как искаженные заклятия власти.

Индерг остановился. Все так на него уставились, что даже не поняли – черная дыра за ним смыкается и затягивается.

Родители прижали к себе детей, у кого было оружие – выставили клинки перед собой. Альвриги же как будто не ведали страха – они смотрели на белого гиганта с восторгом. И никто из старших не понял природы этого восторга. А это была радость от того, что они узнали подземное чудище и вспомнили о давней победе над ним.

Как Верриберд догадался, что существо, живущее в глуби земной, должно бояться огня? Он не знал. Видимо, и в нем проснулась частица двойственной души давнего предка, имевшего дело с этим порождением глубин.

Верриберд схватил толстую ветку, одним концом лежавшую в костре, и поднял огонь над головой.

– Убирайся! Убирайся прочь! – закричал он. И, выставив перед собой огонь, пошел на безглазое существо.

Ощутив жар, индерг остановился и повернул направо. Там, справа, была довольно глубокая ниша – кто-то из темных альвов ладил жилье для большой семьи. Индерг неторопливо приблизился к нише, вошел в нее, уперся рогом в стену, раздался скрип – и чудовище стало словно бы втягиваться в плотную землю.

За ним оставался проход в полтора роста шириной.

– Туда! Туда! – завизжала девочка.

Белое безглазое страшилище не напугало ее, напротив – в ней проснулось любопытство. Альвриги же откуда-то знали, что им следует делать.

Дальше произошло неожиданное.

Старший из альвригов, сын Сегебенны и Арриара, посадил ее на плечи и вбежал в проход. Прочие, словно опомнившись, слаженным хором стали повторять свои невесть откуда пришедшие заклятия и поспешили за вожаком.

– Туда и дорога… – прошептал седобородый темный альв.

Но заклятия власти оказались опаснее, чем он думал. Дети темных альвов побежали вслед за альвригами, отбиваясь от матерей и отцов. По меньшей мере два десятка скрылись в проходе.

Бывшая белая альва Сегебенна, ныне Абрура, вдруг осознала беду. Ее сын первым последовал за белым чудовищем, и что его ожидало – неведомо.

Она вспомнила слова, с которыми белые альвы обращались к медведям, лосям и лесным кабанам, чтобы те, остановившись, дали безоружному и беззащитному альву спокойно пройти мимо. Она стала выкрикивать эти слова, половина которых ей уже была непонятна.

Но она опоздала.

Стена вокруг прохода стала смыкаться – и сомкнулась совсем.

Все это случилось очень быстро, темные альвы даже не успели удержать беглецов, их жены упали на колени, протягивая руки туда, где вслед за альвригами исчезли дети. И наступила страшная тишина.

– Беда, – сказал седобородый темный альв. – Беда. Ты, белый, теперь наш брат. Ты всегда можешь греться у нашего огня. А белые жены пусть уходят. Тут им больше нет места.

– Пусть уходят, – подтвердили рудокопы, кузнецы и оружейники.

Горестный это был исход. Сегебенна и ее подруги даже не смогли взять свое имущество – оно погибло, когда белое чудище проломило стену.

А снаружи была зима.

– Они погибнут, – сказал Верриберд.

– Не вмешивайся! – велел седобородый. – Они это заслужили.

– Сегебенна, Деабенна! – закричал Верриберд. – Бегите в лес! В лес скорее! Не попадайтесь людям на глаза!

– Чем одна смерть лучше другой? – спросил Браммар. – Сперва они погубили своих детей, теперь их черед.

– Все это сложнее, чем ты думаешь… Вам не следовало пускать к себе наших невест… – пробормотал Верриберд. – Есть же давний запрет – не смешивать кровь…

– Теперь мы и сами это поняли. Но – поздно…

– Да, поздно. Вы остались без детей. Я пойду к своим, – сказал Верриберд. – Я боюсь за них. Если мы не сумели вернуть девочку – люди могут отомстить. Нам нужно разбудить тех, кто спит в шалашах, и увести подальше.

– У нас будут другие дети. Держи, белый, – Урар протянул ему большой нож.

– Мы не убиваем.

– Вы позволяете себя убивать? Держи, держи, пригодится.

На душе у Верриберда было – как хмурым утром в лесу после ночной бури, погубившей лучшие деревья.

– Белый, спроси у ваших стариков. Может, они знают, что это такое было и куда индерг мог увести детей, – попросил седобородый. – Альвригов не жаль, но они одурманили обычных детей. Может быть, они где-то поднимутся наверх…

Но в голосе старого вожака было сомнение.

– Спрошу, конечно. А теперь я должен спешить.

– Погоди…

Старшие темных альвов тихонько посовещались.

– Ты можешь привести сюда ваших детей, – сказал седобородый. – Мы сумеем их защитить. А взрослые альвы должны защищать сами себя, запомни это. Теперь ступай, белый брат.

Верриберда проводили к выходу из пещеры. Снаружи оставались его снегоступы, но сейчас они больше не требовались. Он побежал вниз, и вверх, на рукотворный холм, и опять вниз, и выбежал к озеру.

За то время, что Верриберд провел у темных альвов, людей на берегу прибавилось. Он увидел запряженные крепкими лошадьми скользящие повозки и понял – это пришло подкрепление из города. Очень ему не понравилось, что на ночь глядя горожане что-то затевают. Еще меньше ему понравился собачий лай.

Ближе всех к озеру стоял шалаш Эннибердa. Шалаш Верриберда, где он оставил перепуганного младшего брата, был на расстоянии полета стрелы из большого лука. И плохо было то, что к нему вела не едва заметная на траве и хвое тропинка, а след, оставленный на снегу Эннибердом; след почти незаметный, но если осветить факелом и приглядеться, то виден.

А уж если пустить собак…

Верриберд поспешил к своему шалашу, сделав порядочный крюк, чтобы выйти не со стороны озера.

Он опоздал.

Он увидел разоренный шалаш и тело белого альва на снегу. Эннибердa закололи рогатиной прямо в сердце.

Не было времени, чтобы оплакать брата. Верриберд понесся в глубь леса – предупреждать своих. На бегу он услышал отчаянный предсмертный вопль. Голос был тонкий. Он подумал –

видимо, одна из бывших белых альв попалась на глаза горожанам. Спасти ее было невозможно. И Верриберд сделал то, чего сам от себя не ожидал.

Подаренный Ураром нож он нес за пазухой. И сейчас впервые в жизни взялся за рукоять оружия. Он должен был защитить себя, чтобы никто не помешал предупредить свой род, своих близких.

Поневоле позавидовал Верриберд темным альвам, которые жили все вместе, могли собраться и оказать сопротивление. Отыскивать в лесу поодиночке белых альвов было, пожалуй, непосильной задачей.

Первый на его пути был шалаш Элгибенны. Альва, услышавшая далекий шум, стояла возле, одетая так тепло, как только могла, и собирала в дорогу маленькую воспитанницу.

– В лесу неладно, – сказала она.

– Торопись, – ответил ей Верриберд. – Люди пойдут по лесу, чтобы убить нас всех.

– Но за что?

– Они решили, будто мы украли их ребенка.

– Неужели невозможно им объяснить?.. Мы столько добра им сделали…

– Невозможно. Беги. Беги к бурелому, спрячься в глубине, туда они не полезут.

– А ты?

Верриберд задумался и вдруг присвистнул – он понял, что должен сделать.

– Голова моя полна прошлогодней хвои. Я побегу к старику. Кто-то говорил мне, что он умеет рассылать вести по лесу. Теперь самое время пустить это умение в ход – пока еще есть кого спасать.

Чтобы добраться до старика, следовало пересечь просеку, известную горожанам, – по ней лесорубы ездили рубить сухостой на дрова. Впервые в жизни Верриберд не перебежал просеку бездумно, а сперва огляделся. Это спасло его – он вовремя заметил сани.

Сжав покрепче рукоять ножа, белый альв побежал за кустами, ища место, чтобы безопасно пересечь просеку. Оказалось, те, кто приехал на санях, углубились в лес, и Верриберд налетел на горожанина, одетого, как зимний охотник – в белом балахоне поверх шубы.

Нож в ладони оказался быстрее и опытнее головы, набитой прошлогодней хвоей. Видимо, темные альвы снабдили его, когда ковали, боевой магией – не слишком сильной, чтобы нож не стал спорить с хозяином. Единственным незащищенным местом у противника была шея, прикрытая довольно тонкой тканью. Нож сам нашел, куда бить.

И после этого обратной дороги у белых альвов уже не было. Сперва – девочка, теперь – мертвое тело…

Старый белый альв сидел на пне возле шалаша и слушал лес.

Верриберд попытался коротко растолковать ему беду, коротко не получилось. Он был так напуган убийством, что мысли в голове путались. И он, помня обещание, то и дело спрашивал, куда индерг мог увести детей, чтобы темные альвы могли их вернуть.

– Я понял тебя, – сказал старик. – Успокойся, сядь, отдышись, теперь все буду делать я.

Он подошел к высокой ели и положил полупрозрачные руки на пласты снега поверх еловых лап. Руки задрожали, дрожь передалась дереву.

Она ушла через корни и вскоре вернулась.

– Надо уходить из Артейских лесов, – решил старик. – Я послал знак тревоги. Но где можно спрятаться – я не знаю. Может быть, нас приютят в Гофлендских лесах. Для этого придется перейти Большой отрог Артейского хребта. Сиди, отдыхай, тебе понадобятся силы, чтобы нести детей.

– Я отдохнул.

– Сейчас все наши выходят из шалашей. Съешь немного сушеной брусники и ступай к верховьям Лоинне, место сбора – там.

– А ты?

– Я останусь. Мне они уже ничего плохого не сделают.

– Они могут убить тебя.

– Не убьют. Я знаю, куда мне уходить. И уйду. А теперь расскажи мне еще раз, что было в пещере.

Давясь брусникой, Верриберд уже более связно рассказал про белое безглазое чудище, проходящее сквозь землю.

– Плохо дело, если альвриги как-то выманили индерга. Значит, они имеют над ним власть.

Слово «альвриги» старика не удивило.

– Если бы имели власть – они бы раньше это сделали. А в пещере, я видел, они даже растерялись. Но, скажи, может ли индерг вывести их наверх?

– Солнце убивает индергов. Разве что ночью, но… Девочка… Девочка! Вот кто дал силу их заклятиям.

– Неужели в них проснулись голоса далеких предков?

– Далекие предки умели как-то справляться с индергами, но нам, белым, это знание ни к чему, а темные его забыли. Если альвриги поработят индерга, они смогут путешествовать под землей, не прилагая усилий, не выкапывая ходов. И выходить на поверхность всюду, где только захотят.

– Их надо остановить, – сказал Верриберд.

– Знаю. Поел? Возьми все мои припасы, уходи и не оборачивайся.

– А ты?

– Я уйду в другую сторону. Слушайся! Я знаю, что говорю и делаю.

И Верриберд послушно побежал к истокам Лоинне, туда, где в один поток сливаются три пробившихся из скалы родника.

Старик проводил его взглядом.

Некоторое время он стоял, собираясь с духом, потом тихо запел. Это было песней без единого слова – и оттого еще более сильной и грозной.

Его губы горели. Если бы он мог их видеть – удивился бы язычкам белого пламени. А может, и не удивился бы.

Старик возвращался к далеким предкам и через них шел к их опасным потомкам. Это было единственным средством настичь альвригов.

Он не хотел их уничтожать, он собирался навеки лишить их памяти, но ощутил сильнейшее сопротивление. Он усилил свой посыл и покачнулся – ответ был стремительным и беспощадным. Старик понял – альвриги умеют объединять усилия.

Теперь уже было не до безобидного лишения давней памяти. Старик знал: отступать некуда, нужно сделать все возможное, нужно призвать на головы альвригов смерть.

Рот был охвачен огнем, но другого способа совершить задуманное не было.

Старый белый альв воззвал к тому, кто, спасая род людской от давних предков, разделил их на две ветви, белую и темную, каждой дал в удел свое, запретил сплетение ветвей, а также истребил из памяти истинное имя.

Он не знал, что это за сила, но он ее чувствовал.

Старик стоял на поляне, переливая всего себя в песню без слов, в гуляющий по лицу огонь, и становился все тоньше, все прозрачнее. Теплая накидка и рубаха упали на снег, а старик стал подобен идущему из земной глубины белому лучу.

В глубине луча таяло то, что было костями, и медленно осыпалось на снег.

Он звал на помощь Солнце, он впервые в жизни произнес тайное имя Солнца – Пламенеющий Убийца. Солнце было далеко, но он знал – отзовется!

Рассудок покинул его, остались только голос и воля. И еще слух. До старика донесся рев, вылетевший где-то далеко из звериных глоток. Он ощутил: часть дела сделана, но только часть.

Он должен был спасти своих! На большее не хватило сил.

И последнее, что он смог, – поняв, что смерть альвригов не в его власти, послать проклятие. Сильное, мощное, из тех, что расплющивают кости и уродуют тело.

Оно ушло, как стрела в цель.

И белый луч погас.

Зеленый Меч

Печальная и горестная это была ночь…

Женщины, перед сражением убежавшие с детьми и стариками в лесную чащу, когда взошла луна, появились на опушке. Зажигать факелы боялись. И шли, спотыкаясь и падая, к полю боя – туда, где лежали вповалку отцы, мужья, братья, сыновья. Может, кто и уцелел…

Мужчины остановили вражью рать, и она, разорив Русдорф, не пошла к Шимдорну, а повернула на запад. Но мужчин у русдорфских женщин больше не было.

Анна Вайс шла первой – она отдала битве троих сыновей. За руки она вела своих младших – Ганса и Билле. Оставить их, маленьких, одних в лесу она не могла. Дети настолько перепугались, что даже не плакали; первый страх прошел, за несколько часов наступило отупение, они могли только держаться за материнские руки.

– Анна…

Женщина обернулась и увидела – поодаль от всех тащится к полю боя старая Шварценелль. Злость вскипела – ей-то, ведьме, безмужней и бездетной, что там нужно?! Она-то кого собралась искать?

Шварценелль когда-то хорошо умела исцелять, но уже лет с десяток, как всем сильно болящим отказывала, принимала только тех, кто с безобидными хворобами. Говорила – выменяла этот дар на иной. Может, и выменяла – кто эту нечисть разберет. Как это вообще возможно – никому не объясняла. Теперь она промышляла сбором редких болотных трав, уходила в леса на несколько дней, потом выносила на субботний торг пучки и мешочки. Что она получила в обмен на дар – не говорила, но вряд ли что ценное; о ценном бы русдорфцы догадались. Возможно, это было чутье к травам и корешкам, хотя смысл такого обмена был непонятен. Но можно ли ожидать разумных поступков от чудаковатой старухи?

Целительницами в Русдорфе стали Доре и Катрина, сестры-близнецы, тоже не нашедшие мужей. Чему-то их обучила Шварценелль, каких-то знаний они набрались от заезжих лекарей. Когда они надели черные платья целительниц и повязались темными платками, их стали звать, как издавна повелось, Шварцедоре и Шварцекате. Но они хоть взяли на воспитание троих сироток и сейчас спешили на поле боя с корзинами, полными холщовых бинтов и глиняных горшочков с мазями.

– Шла бы ты отсюда, Шварценелль! – крикнула Анна. – Пользы от тебя никакой и смотреть на тебя тошно!

– А ты меня не гони. Вот это видишь?

Старуха держала в руках рогульку. Такую, которая помогает найти подземные водяные жилы.

– Я ее заговорила, – сказала Шварценелль. – Я ее своей кровью напоила. Теперь она тянется к живому. Пусти-ка, я вперед пойду.

Анна даже не удивилась тому, что Шварценелль умеет такое творить. А бывшая целительница первой ступила на край Амштенского луга.

Тут-то и была битва. Тут и нужно под горами тел отыскать тех, кто ждет помощи.

– Осторожно, не провалитесь в яму, – говорила Шварценелль. – Тут цверги их оставили не меньше дюжины.

Цверги вышли из земли на восточной околице Русдорфа и вступили в бой после заката. Это была самая трудная пора битвы, но мужчинам из Русдорфа удалось их загнать обратно в землю. А всякий знает – цверг не любит сопротивления. Если хорошенько дать ему сдачи – он отступит и уже долго не появится. Они не бойцы, а вот вольфкопы – бойцы, потому цверги нанимают их и дают им оружие. Как они договариваются с вольфкопами – понять невозможно,

потому что эти мохнатые бойцы, хоть и ходят на ногах, как люди, способны лишь рычать, скулить и выть.

Цверги думали, что основную работу уже выполнили вольфкопы, и ошиблись. Было еще кому сопротивляться. Правда, разорить деревню и унести под землю добычу они успели.

Мертвые лежали вповалку – и женщины, прикоснувшись к холодной жесткой шерсти вольфкопа, уже не отдергивали рук, а оттаскивали звериное тело – втроем или вчетвером, чтобы высвободить человеческое. Старались не прикасаться к заостренным клыкастым мордам – кто их, вольфкопов, разберет, могут последним предсмертным усилием вцепиться зубами в руку.

И уже зачинался над полем безнадежного боя плач – бессловесный вой отчаяния.

– Тут, – сказала Шварценелль. – Тут живой. Анна, Лизерль, Дина, несите слеги, иначе этих скотов не сковырнем.

Под мохнатыми телами лежал Рейнмар – единственный наследник шимдорнского барона, младшенький, которого чудом спасли в чумное лето, когда старшие сыновья погибли, а баронесса с дочками, к счастью, вовремя уехала к сестре и там отсиделась. И он был не только жив – он был в сознании.

– Убейте меня, прирежьте меня… – просил он, когда Анна и Дина пытались вынести его на ровное место, чтобы положить на носилки. Юный барон в доспехах был-таки тяжел, а как снять нагрудник и оплечье – они не знали.

Шварценелль, побормотав, зажгла на торчащем кончике своей рогульки крошечный зеленоватый огонек. И тогда стало ясно – юнкеру Рейнмару в бою отрубили правую руку.

Оруженосец Эцли как-то сумел перетянуть ее ремнем, и Рейнмар дрался левой рукой. А потом и Эцли погиб – вон он, мальчик, лежит на спине и смотрит мертвыми глазами на низкую луну. И Драммед, и Матти, и все, кого привел на битву Рейнмар, – погибли.

Русдорфцам повезло – одни они бы не справились. А Рейнмар, который со своими людьми охотился неподалеку, где для него выследили матерого медведя, услышал хриплые стоны пастушьих рогов – так русдорфцы в отчаянии звали на подмогу соседей. Юный барон, балованный сынок, горячая кровь – как он мог не откликнуться?

– Барон хорошо заплатит, когда мы привезем ему сына, – сказала Лизерль. – А деньги нам сейчас нужны.

– Да, – согласилась Анна. – Шварценелль… может, кто-то еще?..

– Сейчас…

Ведунья шла вокруг поля битвы, чуткими руками ловя колебания своей рогульки, и женщины шли следом. Несколько раз она сказала «там!» – и привела к раненым мужчинам.

Анне, можно сказать, повезло – ее старший выжил.

– Уве! – воскликнула она, увидев его сидящим между тел. И ни до кого ей больше не было дела.

Уве плохо понимал, что происходит, вставать не хотел, ругался последними словами, насилу его увели с Амштенского луга.

Ближе к рассвету Анна отыскала Герта и Гедерта. И долго плакала над ними.

Шварценелль больше ничем не могла помочь и ушла. Женщины и подростки унесли раненых в деревню и вернулись с лопатами. Нужно было сбросить мертвых вольфкопов в ямы, оставленные цвергами, и закопать. И вырыть другие ямы, потому что вольфкопов насчитали до полсотни.

Цверги забрали еду, забили скот и унесли туши. Оно и понятно – под землей пшеница не растет, коровы не доятся. Хорошо хоть, не успели поджечь дома. Нужно было слать в Шимдорн гонца – чтобы старый барон приехал за сыном, а заодно привез продовольствия. Все-таки русдорфские мужчины не пустили врага к Шимдорну, он должен это понимать.

Рейнмара пришлось связать – он все порывался сдернуть повязку, чтобы истечь кровью. Старый барон, прискакав к утру, изругал сынка на все лады. Он был бывалым воином, смолоду ходил на три войны, когда сцепились граф фон Гольденморн и вольный город Селленберг с князьями равнинной Артеи. Потом его люди привели подводы с мешками, его пастухи пригнали четырех коров и двух старых кобыл. С этим Русдорфу следовало начинать новую жизнь.

– Ну, хоть молоко для малышей будет, – сказала Анна. – Уве, ты лежи, не вставай. Катрина сказала, что тебе все внутренности отбили.

– Да я вроде уже ничего…

– Лежи, лежи…

Уве действительно чувствовал себя так, словно по нему табун лошадей пронесся. Но руки-ноги целы, царапины не в счет, а что башка трещит – так это понемногу пройдет, главное – обеспечить башке покой. Он умом это понимал, но стыдно было валяться, когда женщины изо всех сил стараются приготовиться к зиме. Треклятые цверги забрали и одеяла, и тюфяки, и даже старые конские попоны. Их можно понять – под землей овцы не блеют.

Наконец он встал и побрел на Амштенский луг.

У женщин хватило ума не хоронить вольфкопов вместе с оружием. Мечи и ножи у этих зверюг были знатные, а в щитах они не нуждались – жесткая шерсть часто заменяла им щит. Оружие, собранное в кучу, лежало под дубом. И там же Уве встретил Шварценелль. Она деловито перебирала клинки.

– Ищу, которым отрубили руку юнкеру Рейнмару, – объяснила она. – Новую не вырастить, но немного пособить можно. Если этот клинок каждый день смазывать мазью, рана не будет болеть и хорошо заживет.

– Ты разве чувствуешь, чья на клинке кровь?

– А вот, – ведьма показала тряпочку. – Нарочно в Шимдорн ходила. Ну и на молодого человека взглянуть…

– Ты ведь уже не лечишь.

– Не лечу. А кое-что понять хотела.

Уве хмыкнул – чего там понимать? Баронский сын в бою держался стойко, но он ведь красавчик, общий любимчик, потеря руки для него хуже смерти. Сейчас вокруг него суетится все семейство, поназвали знаменитых лекарей, и юнкера Рейнмара утешают прекраснейшие дамы и девицы. Надо полагать, вскоре он и утешится.

– Ярости в нем нет, вот что плохо… – пробормотала Шварценелль. – Мечом владеть научили, ему это даже нравилось, по мечу он тосковал, а ярости нет, одно мастерство… Кинулся в бой, как мальчишка в драку… Ему бы хоть капельку настоящей ярости…

– На что?

– Для дела. Ты же не думаешь, Уве, что цверги оставят нас в покое?

– Все знают – если их выгнать, они больше не приходят.

– Это так, но цверги идут с юга, от горных хребтов, и возвращаться с добычей будут к себе на юг. Не сегодня и не завтра – но вылезут где-нибудь возле Шимдорна или Глездорфа из земли. А позвать вольфкопов им нетрудно – это они умеют.

– Правда, что вольфкопы когда-то были людьми? И за предательство их племя стало звериным?

– Может, и были, но очень давно. Я об этом не спрашивала. А только говорят, что на востоке, за большими озерами, живут бегуны. У них мальчик двенадцати лет бежит вровень с лучшим конем, а мужчина двадцати лет коня обгоняет. Вольфкопы тоже знатно бегают. Может, родня.

– Значит, вернутся? – Уве взял из кучи самый длинный меч, примерился, как им орудовать.

Он был упрям и вспыльчив, этот Уве, сын Тарре и Анны, а когда рукоять меча легла в ладонь, то в серых глазах прорезался опасный огонек.

– Не по твоей руке. У них лапищи сильные, сильнее, чем у нашего кузнеца Трора, мир его праху.

Но Уве унес с собой пару мечей и пятерку хороших ножей.

Шварценелль отыскала-таки нужный клинок и пешком отправилась в Шимдорн.

Уве был неправ – Рейнмар не лежал на белоснежных простынях, окруженный дамской заботой. Он, как только силы позволили, ушел в замковый сад и забился в самую глубь, туда ему и еду носили, там ему и повязки меняли. Сад прилепился снаружи южной стены Шимдорнского замка, между двумя башнями, Стальной и Белой, был невелик и расположился на крутом откосе над рекой, которая служила естественной преградой для врагов. И Рейнмар, сидя на скамье под вишней и глядя на реку, думал: а хорошо бы все-таки броситься туда и утопиться…

Ему было безмерно стыдно за свое увечье.

Ученый лекарь Корнелиус, которого привезли к Рейнмару из Керренбурга, наблюдал за ним, стоя в «предательской калитке» – эта незаметная калитка у основания Стальной башни служила для того, чтобы тайно выпускать и принимать гонцов, но в народе ходили слухи о каких-то древних предателях, которые во время осады замка хотели впустить туда врагов. Эрна, пятнадцатилетняя дочка лекаря, спустилась по склону чуть ли не до самой скамейки и смотрела на юношу, затаив дыхание: он, золотоволосый, был совершенно не похож на темнорусых, плечистых и шумных керренбургских парней, а его печаль и вовсе малость помутила рассудок девушки. И девушка понимала, что вечерние прогулки с учеником пекаря Клаусом и с подмастерьем бочара Торре – вовсе не любовь, а вот то, что сейчас с ней происходит, – настоящая, доподлинная и нерушимая любовь. Какая, наверно, бывает лишь в пятнадцать лет. И лишь у девочек, которые не уверены в своей красоте и в своих едва зародившихся женских чарах.

Там, над рекой, Рейнмара и отыскала Шварценелль.

– Кто ты? – спросил юный рыцарь.

– Я лекарка Нелль. В чумное лето я тебя лечила. И вылечила.

– И зачем пришла? Лечить?

– Ты сперва вспомни меня.

Рейнмар посмотрел на нее внимательно – и вспомнил. Сквозь одно лицо, сухое и темное, проступило другое – округлое и светлое. Но всего на миг.

– Значит, пришла пожалеть ребеночка.

– Опять не угадал. Слушай, объясню.

– Иди-ка ты лучше отсюда, Нелль… – попросил Рейнмар. – Очень тебя прошу. Ты ведь не сможешь вырастить мне новую руку.

– Может быть, я смогу тебе дать что-нибудь взамен. Ты послушай, послушай… может, что-то в тебе отзовется…

– Ну и что тогда?

– Увидишь.

Они помолчали.

– Ну, ладно уж, говори, – позволил юнкер Рейнмар.

– О том, что цверги и вольфкопы пойдут в наши края, я знала уже давно, – сказала Шварценелль. – Есть книги предсказаний, главное – правильно понять, что там нарисовано, и совместить с временем. У меня это несколько раз получилось. Откуда книга взялась – не спрашивай, не знаю. И кому я задавала свои вопросы – тоже не спрашивай, все равно не скажу.

Шварценелль замолчала, вспоминая свои давние походы в Гофлендские леса.

Книгу ей показали не сразу – сперва она просто стояла на краю большой поляны и издали смотрела на старцев в белых холщовых рубахах, хранителей тайн. Ее не гнали, но и не принимали. Потом беловолосая женщина, которая была не совсем женщиной, а похожим существом, позволила ей сесть у своего шалаша и приняла скромные дары – овечий сыр и садовые яблоки; она даже удивилась тому, что эти плоды могут быть бело-румяными и сладкими. Тогда только Шварценелль получила дозволение говорить и рассказала, что дикие яблони на опушке, дающие крошечные и кислые плоды, – дальние предки домашних, с которыми по меньшей мере триста лет возились опытные садовники.

А книга, одна из дюжины, была невелика и сшита из особо выделанных полос бересты. Обученная чтению Шварценелль удивилась – там не было слов, даже букв, а лишь выдавленные и подкрашенные соком ягод рисунки.

На рисунках были странные горбатые существа, одни – наполовину вылезшие из земли, другие – стоящие возле нор. Они были вооружены и всем видом внушали ужас. Особенно Шварценелль удивили торчащие, как у лесных кабанов, клыки. У других горбунов зубы росли в разные стороны, и Шварценелль не сразу поняла, что их рты окружены острыми язычками огня.

– Цверги, – сказал старец, показавший книгу. – И альвриги. Сами так себя называют. Это очень старое слово.

– Они опасны для нас? – спросила Шварценелль.

– Смотри.

И она увидела бой. Люди сражались с горбатыми карликами и со злобными вольфкопами, что очень удивило Шварценелль, тогда – целительницу, унаследовавшую дар от прабабки.

Она встречала вольфкопов в лесу, однажды вышла к их стойбищу, и они ее не тронули.

– Они станут нашими врагами?

– Их сделают вашими врагами.

И тогда Шварценелль сумела внутренним взором оживить и привязать к времени следующую картинку: там вольфкопы шли через реку вброд, неся на спинах груз, но какой – не разобрать. Они куда-то уходили – видимо, прочь из мест, где живут люди. И они более не были страшны.

– Они не хотят быть нашими врагами… – Шварценелль задумалась. – И не будут… А цверги?..

– Довольно, – ответил старец, и его полупрозрачное лицо затуманилось, как будто изнутри проступил серый дым.

Воспоминание было мгновенным, но в него вместилось множество стремительно промелькнувших картинок. Юный рыцарь даже не понял, что Шварценелль нырнула в прошлое и вынырнула обратно.

– Так вот, цверги – они от земли. Земля их в глубоких пещерах под Артеей, под Бервальдом, под Клаштейном кормит и поит, растит и пестует, как младенцев. И их доспехи вырастают, как будто репа на грядках, прямо на них. Так мне сказали люди, которые их видели, а что на самом деле – я не знаю. Я их видела только мертвыми, а вниз не спускалась. Железный меч может, когда всю силу вложишь в удар, разрубить такой доспех, но если цверг жив останется – доспех снова срастется, да еще как быстро! Так говорили те, кто воевал с ними. Сама я, впрочем, видела разрубленный доспех. Цверга можно только убить – раны ему не страшны, скоро затянутся. Это похоже на правду. И потому они боятся тех, кто убивает, очень боятся. Чужими руками добывают победу. Но за цвергами стоят те, кто еще опаснее. Они знают заклинания власти на том языке, который много тысяч лет был позабыт.

– Мы бились с вольфкопами, – хмуро сказал Рейнмар. – Эти – настоящие бойцы…

– Да, юнкер Рейнмар, вольфкопы. Я уже давно ждала новостей о цвергах. Предчувствие большой беды, понимаешь? Когда они разорили Эберсгард, я поняла – беда близится. А я

сама – из Русдорфа, там мой дом, там мои люди. Они меня, может, не очень любят, а я их люблю. И я опять пошла туда… туда, где мне показывали книгу… Встретили меня не слишком любезно. Они – те, чья книга, – уже очень стары и недоверчивы… А я – кто? Я простая деревенская знахарка. Я даже сама не знала, кого и чего ищу, когда впервые пришла к ним.

– Кто – они? – спросил Рейнмар. – Маги?

Магов он встречал в отцовском замке, они иногда казались страшноватыми, иногда смешными. Особенно развеселил прибывший в Шимдорн откуда-то с юга маленький человечек в парчовом халате до пят и тюрбане величиной чуть ли не с пивной бочонок. Молодежь, что жила при семействе барона, потешалась над его пегой бородой и забавной повадкой выступать, задрав нос. Человечек ехал на север, чтобы там служить придворным магом у селленбергского бургомистра, остановился же в Шимдорне для короткого отдыха. Служил ему черный человек, вызвавший большое любопытство у придворных дам баронессы. Так бы и остался в памяти этот человечек потешным уродцем, если бы в последний день своего пребывания в замке не разогнал парчовыми рукавами грозовую тучу, которая могла побить градом крестьянские поля.

Шварценелль нарочно пришла в Шимдорн, чтобы посмотреть на мастера магии, и очень была недовольна шутками молодых придворных. Маг с юга не был целителем, как она надеялась, но он умел договариваться с дождем и снегом, нагонял и разгонял облака, что для графа, у которого в Селленберге хватало костоправов и знахарей, было куда важнее; графские земледельцы выращивали на продажу рожь и ячмень в огромных количествах, и он нанял именно того знатока, от которого для урожая предвиделась большая польза.

Молодому человеку и не полагается разбираться в тайнах, сказала она себе, пусть для него все обладатели странных способностей будут равны, беда невелика, лишь бы хоть немного уважал.

– Они владеют магией, но ее природа мне, конечно, непонятна, юнкер Рейнмар. Они – те, кто жил здесь очень, очень давно, еще до того, как из пещер вышли хозяева цвергов и сами цверги, до того, как они получили власть над вольфкопами. И что-то они о цвергах знают такое, чего не желают рассказывать. А магия… Как я поняла, раньше они обходились без нее, потом она понадобилась. Или же она была иной. Они, я думаю, вырастили ее в себе, как выращивают капусту на грядках. И она каким-то образом связана с растениями. Понимаешь, они очень, очень стары, от старости их тела истончились. И они, как растения, кормятся солнечными лучами. Во всяком случае, обычной пищи почти не употребляют. Их женщины, что смотрят за старцами, – те могут съесть и кусочек козьего сыра.

– Они – не люди?

– Нет, не люди. Хотя нашей речью владеют. Мне было сказано: раз пришла, то что у тебя на продажу? Я ответила – мой скромный дар. Было сказано: и впрямь скромный, целительница ты не из знатных, но ты готова с ним расстаться – так что выбирай иное. Я выбрала… Было сказано: жди знака, знак явится сам. Вот я и ждала. А когда увидела тебя с перетянутой рукой, то поняла – вот он, знак! Пора!

– Что – пора?

– Я двенадцать лет этого дня ждала. Я знала, понимаешь, знала, что будет беда. И у меня хранилось средство от беды – то, что убивает цверга наповал, то, что разрубает шкуру вольфкопа.

– Что же ты раньше не пустила его в ход? – возмутился юный рыцарь.

– Не могла. Дать-то мне это дали, а как употребить – не объяснили. Просто дали, назвали имя, показали картинку внутреннему взору – меч, с клинком, который словно вырастает из чаши с кровью, но клинок – зеленый, – и сделали так, что я перестала их видеть. Потом были зеленые искры, пятна, смысла их я не поняла. Я по-всякому пробовала, я хотела с этими зернами договориться… Только теперь я уразумела…

– Поздно, голубушка. Я уже не боец. Иди к кому-то другому. Убирайся, пока я не кликнул стражу.

– А я говорю – не поздно! В самый раз. Сейчас все поймешь! Я этот Зеленый Меч дорогой ценой купила, я Русдорф без лекарки оставила. Но – вот, смотри…

На шее у Шварценелль висел замшевый мешочек, а из этого мешочка она достала три черные фасолины и выложила на ладонь.

– Ну и что это?

– Он, Зеленый Меч. Да не смотри на меня так, я еще не выжила из ума! Его нужно посадить, чтобы дал росток. Я как только не сажала и чем только не поливала. Думала уже – обманули меня, невесть чем заплатили. Сказали – вот оружие, чтобы твой Русдорф защищать, а оружия-то и нет, а Русдорф разорили, и биться некому… А когда я тебя на Амштенском лугу нашла – мешочек этот вроде сам зашевелился. Тут-то я и догадалась…

– И почему я только тебя слушаю? Почему не велю прогнать? – уныло спросил Рейнмар. – Ты ведь сумасшедшая, тебя нужно отдать страже под надзор.

– Ты за руку свою отомстить хочешь? И за Эцли, и за Драммеда, и за Матти?

– Я сейчас в реку тебя скину! – воскликнул, вскочив, Рейнмар. – Не было такого, чтобы надо мной кто издевался – и жив остался!

Шварценелль исчезла. Он посмотрел вправо, влево – нет. Тогда он сел на скамью и опять затосковал.

– Угомонился? – сказала стоявшая за его спиной Шварценелль. – А теперь слушай. У вас, у рыцарей, говорят, что меч – продолжение руки. Так это можно сделать – если посадить зерно в твою рану. Оттуда и вырастет Зеленый Меч. Вот такая это, оказывается, магия. Чаша с кровью, из которой появляется меч, понимаешь? И станешь ты бойцом – на зависть всем северным графствам и западным баронствам.

– Ты врешь, лекарка. Тебя подослали…

– Зачем мне врать? Я вот ношу эти три зерна, ношу – а я ведь не вечная. Помру – и они погибнут. И наши села останутся без защиты. Пойми ты, эта битва – еще не битва, это цверги только мимоходом русдорфцев побили. А если они повадятся ходить на запад? Тогда и Шимдорну достанется.

– Замок хорошо укреплен.

– А если посреди замковой площади цверги из земли полезут?

Рейнмар вдруг представил себе это – и ему стало страшно.

– Так это что же – война?

Войну юноша представлял себе иначе – по миниатюрам в рукописных книгах из дедовой либереи. Дед собирал воспоминания о походах на юг и заказывал художникам картинки. Отродясь не видавшие оружия страшнее, чем перочинный ножик, художники изображали войну чистенькую и опрятную, кровь из-под копыт белых коней не долетала до начищенных доспехов всадников.

Когда он повел своих людей в атаку на вольфкопов, то и не представлял, насколько все будет грязно, страшно и больно.

– Наконец-то ты понял. А я уже двенадцать лет это знаю. Ну, так что же, рыцарь?

Рейнмар ничего не ответил, только стал ходить по узкой тропинке, с которой два шага в сторону – и улетишь в реку.

– Я должен посоветоваться…

– С кем? Как будто старый барон знает повадки цвергов и вольфкопов! Они же до Шимдорна ни разу не доходили, только до Экеу и Мерсдорфа. Вот живет у вас кривой Хаги-сторож – он с цвергами дрался. Но ты его не спрашивай – он в том бою двух сыновей потерял. Очень не любит, когда спрашивают… Ну так как же?

Шварценелль не знала или не помнила, что барон успел повоевать, прежде чем женился на баронессе. И она, столько лет прожив без мужа, выгнанного за шалости, позабыла мужские повадки. А что приятнее старым бойцам, чем сесть дружеским кружком да обсудить все новости военного дела, собранную в Селленберге огромную баллисту или способности приведенных из Гофленда наемников. Разумеется, барон знал, как воюют с вольфкопами и цвергами; побывав в Русдорфе, он расспросил раненых.

Рейнмар действительно хотел посоветоваться с отцом. И хотел – и боялся, что барон отговорит его от странной затеи. Было тут над чем поразмыслить…

* * *

Королева у артейских цвергов была – красавица. Долго высматривали, таились в замковом саду, на когтях поднимались ночью к окошку ее спальни, потом, как водится, похитили и унесли в пещеры. Королева должна быть похищена – чтобы с детства знать, что такое смертный страх и истребляющая этот страх ярость. И королева должна быть людского рода – потому что требуется красота, какой у цвергов нет и быть не может.

Понятие о красоте у них было стародавнее. Может, оно лишь и осталось с той поры, когда цверги еще не стали цвергами. И хранителями знания о красоте были альвриги – они решали, когда и где брать новую королеву. А слово трех старших альвригов – закон, ему повинуются младшие альвриги и командиры десяток.

Вынырнув из земли на закате, похитили они дитя, графскую дочь, унесли в пещеры и растили – чтобы получилась необходимая им гордая и злая зверюга без чувства страха. Только такая может водить в бой. Имя ей оставили прежнее – Иоланта, но прибавили свое, подземное, – Церфесса. Старшие альвриги долго это имя выбирали, меняя в нем звуки. Когда удалось всем троим произнести его в лад так, чтобы язычки огня на губах одновременно взмыли вверх и опали, стало ясно – имя счастливое, принесет победы и знатную добычу.

Конечно, у цвергов были свои жены, но в королевы они не годились – их растили для послушания и исполнения долга. В дальних пещерах они вынашивали и рожали детей, появлялись редко, так что цверги даже не знали: то ли ребенок зачат обычным путем, то ли сама земля его дарует. Знали это альвриги – потому что они посещали тех жен и по приметам определяли, какое дитя достойно стать юным альвригом.

Королевой следовало гордиться. Королева – та, кого несут впереди, укутанную в золотые меха. Ей приносят сверху лучшие лакомства и украшения. На пиру она сидит во главе стола. В бою она едет на плечах вольфкопов и потрясает копьем, и кричит, и рычит, посылая мохнатое воинство на врага.

Но если кто подумает, будто королева обладает властью, – над ним будут смеяться.

Втихомолку, но – будут.

Королева – носительница красоты и несгибаемой воли, альвриги – носители власти, таков закон пещер. Воля, соединяясь с властью, дает силу заклятиям, ведет в бой и одерживает победы. Однако поклонение королеве – тоже закон пещер.

В самых дальних пещерах прятали будущую королеву Иоланту Церфессу, – чтобы Миранда Криарона, королева нынешняя, не подослала кого-то из цвергов с приказом убить дитя. Если успеет убить – еще несколько лет будет королевой. Не успеет – печальной окажется ее судьба. Ведь власть королевы – до той поры, пока не войдет в пору девичьей зрелости другая королева, которую выкрадут заранее и будут растить, соблюдая тайну. Ибо юная и безрассудно яростная королева нужна постоянно, а юность быстро тает и исчезает, на смену ей приходит рассудок. В этом альвриги убедились, когда одна из королев попыталась во время боя уйти. Она поняла, что те, кого она приказывает убивать, ее братья по крови, а с такой сообразительностью быть королевой невозможно.

Куда исчезла та королева – знали только трое старших альвригов, а их расспрашивать нельзя, таков подземный закон.

Иоланта Церфесса была обучена людской грамоте, которой при нужде пользовались альвриги – своей у них никогда не было. Но, когда ей принесли послание от королевы бервальдских цвергов, она отбросила кожаный лист, чтобы его поймал старый Реки:

– Читай!

Рената Бримира (точнее, ее советники-альвриги) предлагала каждому роду идти своим путем, не показываясь над землей, чтобы встретиться возле Асселя – небольшого приморского города. Там следовало вызвать отряды вольфкопов, которым было удобно добежать до побережья лесами, и без промедления двинуться на Вергард – на богатый Вергард, где можно взять прекрасную добычу. Время осеннее, в гавани склады полны мешков с зерном и прочими припасами; эти мешки ждут отправки водным путем, но судьба им – попасть под землю.

Раньше цверги брали с налету южные города, но это стало опасно – люди выучились сопротивляться, мастерили баллисты, кидались тяжелыми корзинами с камнями и огнем, и вожаки вольфкопов не хотели вести своих на заведомую смерть. Хоть они и полузвери, хоть их рассудок лишь немногим сильнее рассудка медведей, а что такое смерть – понимают. Слишком много сил королевы уходило на подавление их воли, и потому пришлось на время забыть о южных городах и укрепленных замках. Западные гавани дальше, но там людишки пугливы и не станут защищать свое добро, отступят и переждут беду на островах.

– Что скажешь, Церфесса? – спросил советник, альвриг Андми. – Вот карта. По дороге к Асселю мы можем подняться наверх возле Бремлина. Придется сделать крюк, но зато мы возьмем припасы.

На карту королева даже не посмотрела; она плохо понимала, что это такое – пятнистое с извилистыми черными полосами. Для живущего в пещерах то, что наверху, имеет значение только при выходе, а выход – это бой на небольшом пространстве и погоня за добычей.

– У нас нет припасов? – спросила она.

– Они никогда не лишние. И, пожалуй, там можно взять шерстяные покрывала. Бремлинские женщины – хорошие ткачихи.

– И еще там можно взять бремлинскую яблочную пастилу, – напомнил Реки. – Они как раз теперь заготавливают ее к ярмарке.

Альвриги еще в давние времена постановили: королеве – все самое лучшее и самое вкусное. А пастила – отменное лакомство, как и медовые лепешки. Но лепешки черствеют, а пастила, правильно завернутая, под землей долго остается свежей.

– Идем к Асселю, по дороге поднимаемся возле Бремлина, – решила Иоланта Церфесса, и тут же по знаку Реки затрубили в рога мальчики-цверги, стоявшие вдоль стен пещеры. Это означало – королева приняла нужное альвригам решение.

Подземный поход цвергов – это сложное действо, в котором сплавляются вместе магия альвригов, сила индергов и воля королевы.

Сперва рядовые цверги по указанию альвригов расширяют пещеру. Затем альвриги и королева совершают обряд и вызывают индергов.

Позвать одного нетрудно. Понять, где он, послать в ту сторону слова Старшего языка, укрепленные огнем на черных губах, – это может и младший альвриг. Сделать так, чтобы одновременно явились трое, – задача для старших.

Но нужны все трое.

Белоснежный индерг велик и могуч, а также стремителен. Если бы он перемещался по земной поверхности, то обогнал бы самого скорого коня. Но он, как и цверг, не выносит солнечного света, даже лунный причиняет ему боль. Солнечный свет для него смертельно опасен. И он движется сквозь землю со скоростью идущего по широкому проходу вооруженного цверга.

Индерги выходят из земли и останавливаются в недоумении – они не привыкли к пустому пространству, им необходимо ощущать сопротивление земной плоти. Тогда альвриги и королева направляют их в нужную сторону. Индерги, обычно их ставят по трое в ряд, вгрызаются в землю, продавливают ее, раздвигают, земля сопротивляется. Уступив дорогу, она некоторое время удерживает образовавшийся проход, потом смыкается.

За индергами идут цверги-труженики, выравнивают пол и разгребают камни. Это – работа для тех, кто стар и не принесет пользы в бою. За цвергами-тружениками – альвриги, неустанно читающие заклинания власти на Старшем языке; трое старших – впереди, четверо или пятеро младших – следом. За альвригами на плечах двух сильных цвергов едет королева, столь же неустанно повелевающая индергам двигаться вперед. Для действия заклинаний необходима ее воля – воля существа, никогда не знавшего запретов и преград. За королевой – отряд цвергов-бойцов. И замыкают шествие старые цверги, которые тащат королевские носилки. Их главная задача – не дать смыкающейся земле поймать себя.

Цверги-бойцы тоже ощущают на себе власть заклятий и волю королевы, но иначе, чем индерги. Они проникаются верой в свое могущество и в свою красоту. Они понимают: самое прекрасное на земле и под землей, – это колонна шагающих в лад и гремящих оружием цвергов. И они заранее торжествуют победу.

Подойдя к Бремлину, королева и старшие альвриги призвали вольфкопов. Это было труднее, чем вызвать из глуби земной индергов, – тем приказы передавались через тайные земляные жилы.

Вольфкопам посылался зов. В давние времена немало пришлось потрудиться, чтобы научить их повиноваться. Составить зов, чтобы они прибежали точно в указанное место и укрылись в ближайшем лесу, могли только опытные старшие альвриги. Вплести туда направление, срок и даже запахи не каждому дано. Первый зов был послан, когда цверги двинулись в поход. Второй – уже у Бремлина.

Придя в намеченное место, цверги дождались заката и сами, без индергов, стали пробиваться вверх, чтобы выйти из земли. Место было выбрано удачное – ведущие вверх норы получились короткими. Первыми выглянули разведчики и убедились, что немалая стая вольфкопов уже прячется в лесу, в двух милях от городских стен. Альвриги послали им приказ – вольфкопы огромными прыжками понеслись к Бремлину.

Этот городок больше столетия не знал войн, и его укрепления обветшали. Взять его оказалось несложно. Однако цверги не знали, что бремлинский бургомистр справляет свадьбу сына, а невесту парню высватал знатную – из обедневшего, но многолюдного графского рода. На пир съехалось немало невестиной родни, а для простого люда накрыли столы на площади.

Когда вольфкопы ворвались на площадь, нашлось достаточно мужчин, чтобы дать им отпор – тяжелыми скамьями, досками от столов и всем, что подвернулось под руку. Однако вольфкопы, временно отступив, снова пошли в атаку. На сей раз им удалось перебить немало народа. Королева цвергов, стоя на носилках, которые тащили на плечах четверо вольфкопов, выкрикивала приказы, и ее голос наполнял всю площадь и окрестные улицы.

Цверги же напали на городские амбары и, пользуясь тем, что все горожане собрались на площади, грабили дома.

Благородные гости прибыли без оружия и доспехов, но в подвале ратуши хранилось немало этого добра, и очень быстро образовался отряд. Он вышел против вольфкопов, напал, был отброшен. Иоланта Церфесса пронзительными криками одобряла своих и уже радовалась победе, но вдруг ей стало страшно. Она почуяла беду. Из ратуши вышел боец в длинном плаще из тяжелого сукна, с непокрытой головой, его золотые волосы светились в полумраке. Он, отстранив товарищей, один пошел навстречу вольфкопам – и, приблизившись на расстояние в три человеческих роста, скинул плащ.

Иоланта Церфесса хотела крикнуть – и не смогла. В левой руке у юноши был небольшой круглый щит, а правая, вдруг вознесенная над головой, имела продолжение – широкий зеленый луч, и этот луч, описав круг, изогнулся, пустил по себе волну и устремился в сердцевину отряда вольфкопов – туда, где носилки с королевой. Казалось, не юноша управляется с ним, а он сам увлекает за собой бойца.

Невозможно было уследить за гибким зеленым клинком – он то свивался в кольцо, то выпрямлялся и застывал на мгновение, рубил и хлестал, вырывал из шкур клочья меха вместе с кожей. Страшный рев вольфкопов перекрыл все иные звуки боя.

– Грор, убей его! – крикнула королева. – Убей его, Грор!

Огромный вольфкоп, один из немногих, носивших кольчугу и имевших имя, взрыкнул и кинулся наперехват бойцу. У него были большой меч, обоюдоострый, но причудливый, с изгибами и углами, а также широкий кинжал с тяжелой гардой, который при нужде служил щитом.

Сам собой образовался разомкнутый с двух сторон круг: за спиной у бойца-человека стояли вооруженные люди, за спиной бойца-вольфкопа – его собратья. И всем вдруг стало понятно, как много значит этот поединок.

Грор не сразу понял, что длинный, почти в человеческий рост, меч, вознесенный над головой юноши, лишь кажется прямым. Он застывал и каменел, когда это требовалось в бою, чтобы отбить вражеский удар, потом вновь делался гибким и мелькал с такой скоростью, что казалось – из одной рукояти растет полдюжины тонких и стремительных клинков.

Но, сообразив, с чем имеет дело, Грор тут же схитрил: он подставлял свой меч под хлесткие удары – для того, чтобы тонкий клинок обвился вокруг этого огромного меча, а тогда бы сильным рывком удалось его выдернуть из руки бойца.

– А вы что стоите?! – крикнула Иоланта Церфесса альвригам, сопровождавшим ее носилки. Их было трое, и все хвалились, будто знают редкие боевые заклинания, такие, что после третьего повторения теряют силу, но успевают наделать бед врагу.

Старший из альвригов затянул песню силы и ловкости – чтобы влить ее в жилы вольфкопа. Двое других наперебой заголосили, посылая слова неуязвимости навстречу ударам Зеленого Меча.

Но магия, создавшая этот меч и охранявшая его, оказалась сильнее.

Четыре раза подряд пытался Грор вырвать его из руки противника. Но клинок, казалось, намертво захлестнувшийся, вдруг резко распрямлялся и целил острием в горло Грору. Вольфкоп отбивал его щитом, но Зеленый Меч вновь обретал гибкость и проскальзывал за щит.

Королева опомнилась первой.

– Да что вы глядите?! Мохнатые болваны! Все – на него! Все – на него!

Она столько воли вложила в приказ, что вольфкопы, уже порядком напуганные страшным оружием, все разом кинулись на юношу.

В этом-то и была их ошибка.

Перед мечом оказалась сплошная мохнатая стена – раздолье для хлещущих ударов! Эти стремительные удары вырывали клочья плоти, оставляя длинные волнообразные раны. Жесткий, как стальная проволока, мех больше не спасал. Альвриги еще пытались как-то противостоять, но уже поняли – их заклинания бессильны. И они позорно бежали с площади.

Зеленый Меч рубил и кромсал вольфкопов с непостижимой скоростью. Юноша пробивался к четверке, что держала носилки, меч целил то в животы, то в руки могучим вольфкопам, они же не могли ни отбиться, ни убежать. Наконец носилки рухнули, Иоланта Церфесса, упавшая под ноги вольфкопам, вскрикнув в последний раз, откатилась в сторону. Она выскользнула из сияющей меховой мантии, вскочила на ноги, пробежала несколько шагов, споткнулась и рухнула в темноту.

Темнота стала ее спасением. С раннего детства цверги готовили королеву к жизни в пещерах и промывали ей глаза особыми составами, сперва жгучими, потом даже приятными. Зрение у нее было – на зависть ночным птицам.

Иоланта Церфесса оказалась в подвале.

Она не расшиблась только потому, что окошко, предназначенное для спуска вниз дров, бочек и прочих тяжестей, имело в подвале скос, и королева цвергов съехала по этому скосу.

Будь рядом хоть один альвриг – он бы вызвал индерга и заставил его проложить длинный ход, чтобы отыскать ближайшую пещеру. Но старшие альвриги остались наверху, младшие были вместе с цвергами у городских амбаров. А королева не умела читать заклинания – ее этому не учили.

Она изругала все братство альвригов злыми словами из Старшего языка, которые знала, надеясь, что звуковые потоки дойдут до них и будут приняты. Альвриги обещали удачный поход – отчего же они не разглядели в гадательных чашах этого, с золотой головой, с зеленым лучом?

Нужно было убираться из подвала. Люди могли догадаться, куда исчезла королева цвергов.

О жизни наверху у Иоланты Церфессы было странное понятие. Она знала, что там есть бойцы, их помощницы и, возможно, дети. Тех детей, с которыми играла много лет назад, она забыла. Бойцов и помощниц не считала своими. Однако понимала сходство между собой и ими. Прежде всего – у нее и у них была прямая спина. Для той, что выросла среди горбунов, это было в диковинку. Затем – лица, непохожие на поросшие толстым черным волосом лица цвергов с кривыми носами, с желтыми клыками, у помощниц лица открытые и гладкие, как у нее самой, у бойцов часто бородатые, но тоже открытые.

И еще руки! Когтистые, черные, короткие пальцы цвергов, их широченные ладони, удобные для рытья нор, с человеческими не спутаешь, да и искривленные пальцы альвригов, пусть более тонкие и длинные, тоже не были человеческими.

И еще одежда. Помощницы, как и Иоланта Церфесса, носили рубахи и туники, у одних одежда была короче, у других – длиннее. Королева цвергов не задумывалась о том, что у людей бывают молодость и старость, а в старости одеваются иначе. Альвриги сделали все, чтобы ее рассудок обходился без этих понятий, иначе возник бы вопрос: что будет с королевой, когда она состарится?

Под мантией из золотого меха Иоланта Церфесса носила тонкую рубаху и две шерстяные туники. Под землей не слишком холодно, но и не жарко, для цвергов – в самый раз, а человек зябнет. На ногах у нее были меховые сапожки с мягкой подошвой – зачем другие королеве, которая очень мало ходит пешком? Как обувались женщины, живущие наверху, она не знала – в битвах видела главным образом мужчин. Однако попадать в плен она не желала. Острое зрение выручило – она за пустыми бочками и за поленницей разглядела ступеньки. Лесенка вела вверх, к люку. Королеве повезло – он сверху не был замкнут. Иоланта Церфесса попала в помещение с очагом, столом и скамейками.

У пещерных жителей хороший слух, и она вовремя успела спрятаться под лестницей. В помещение стали заносить раненых, двоих положили на столы, лекарь закричал едва ли не громче, чем королева цвергов в бою. Языка она не знала.

Женщины, которым приказывал лекарь, были одеты в праздничные рубахи с многоцветной вышивкой, в полосатые юбки и длинные кружевные передники. Эти дорогие передники, которые передавались от бабушки к внучке, сейчас рвали на полосы, чтобы перевязывать раненых, и белоснежные нижние юбки тоже рвали.

Иоланте Церфессе удалось, подхватив бархатную накидку богатой горожанки, выскользнуть на улицу. Теперь нужно было выбираться из города и искать своих. Но не удалось – хоть

и с опозданием, а горожане заперли ворота, поставили стражников на стенах. Значит, единственное – переждать суету. Спрятаться и переждать.

Королева была уверена, что цверги уже ищут ее. Разведчики могли пройти под землей. Значит, лучше всего – забраться в другой подвал.

Вот в другом подвале ее и окликнул младший альвриг Эйтри.

В братстве альвригов он считался средним по силам и способностям; он еще только учился пользоваться обжигающим губы синевато-сизым огнем. Однако честолюбие он имел неуемное и рвался в тройку Старших. Говорили, что у него в дальних пещерах уже растет сын, которому он хотел бы передать свое место в братстве.

О том, как появляются юные альвриги, королева не задумывалась. Вроде бы в дальних пещерах жили жены старших альвригов, но откуда они брались – она не знала и ни одной такой жены не видела, хотя провела детство как раз в дальних тайных пещерах. Но ее растили матери цвергов, а потом передали альвригам. Так что правды королева не знала, а Эйтри казался ей самым злым из всего братства. И, пожалуй, самым осторожным – он в битве не приближался к королевским носилкам, а благоразумно обретался в самом безопасном месте и вылезал, когда дело доходило до дележки добычи.

И это легко объяснялось – Эйтри был самым низкорослым и узкоплечим из альвригов. Кривой горб так перекосил его тело, что левая рука волочилась бы по земле, если бы он не держался когтями за пояс. Он в бою не сумел бы защитить себя.

Эйтри появился в углу подвала, из щели между большими ларями для зерна и круп. Ему удалось протиснуться, а вот королева там наверняка бы застряла.

– Это я, Церфесса, – сказал он. – Так и знал, что ты спрячешься внизу.

– Немедленно выведи меня отсюда к нашим, – ответила королева, немного удивившись, что именно Эйтри пошел ее искать.

– Нет, Церфесса, я никуда тебя не поведу.

– В чем дело?!

Сперва Церфессе пришло на ум, что пол в подвале выложен каменными плитами, а плита толщиной в ладонь – уже непреодолимое препятствие для цверга, тем более для презирающего труд альврига. Она топнула и по звуку определила: не камень, утоптанная земля.

– Мы должны остаться здесь.

– Почему? Разве наши погибли?!

– Не «почему», а «зачем», Церфесса. Ты видела того подлеца, который перебил наших вольфкопов?

– Разве они все погибли?

– Не все. Примерно треть, остальные струхнули и убежали. Теперь их не дозовешься. Так ты его видела? Ты же оказалась в сердце битвы.

– Видела!

– И что ты скажешь о нем и о его мече?

– Я ничего не смыслю в мечах! Альвриг, мы должны уйти немедленно. Ступай вперед, я за тобой.

Иоланта Церфесса не умела проходить сквозь землю, но двигаться вслед за цвергом, упираясь в стены норы руками и ногами, она могла.

– Нет, Церфесса. Нет.

– Я приказываю!

– Этот приказ я исполнять не собираюсь.

Королева затопала ногами и затрясла кулаками – это она проделывала, стоя на носилках, когда посылала вольфкопов в бой. Другого способа выразить ярость она не знала.

Но Эйтри отразил сгусток воли.

– Церфесса, ты ничего не поняла… Этот меч в руке подлеца – страшное оружие! Он губит вольфкопов, рассекает их, как земляных мышек! Я даже не знал, что такое оружие есть. Кто бы мог подумать, что мы с ним встретимся? Церфесса, если подлец способен справиться с двумя дюжинами вольфкопов, то мы погибли – мы не можем двигаться на запад одни! Он же станет искать вольфкопов в лесах и убивать их, а живые убегут на восток, и мы потеряем власть над ними. А они нам необходимы. Церфесса, ты все еще не понимаешь? Мы умрем под землей от голода! Без них мы не добудем ни еды, ни одеял!

Иоланта Церфесса делила мир надвое: одни, вверху, пашут и жнут, доят коров и растят яблони, а другие, живущие внизу, приходят и забирают, потому что иначе помрут в своих пещерах. В этом была высшая справедливость – земля, породившая цвергов, дала им в удел свои плоды, растущие вверху, а спорить с землей не приходится, она всевластна. Так ее научили альвриги.

– Так что же, альвриг? – спросила она. – Неужели ты не знаешь заклинаний, чтобы уничтожить этот меч?

– Нет! Не знаю! И никто не знает! Слушай, Церфесса, вся надежда на тебя!..

* * *

Великая радость в роду Фалькноров – нашлось похищенное дитя!

Девицу опознали по приметному родимому пятну над левой ключицей. И вторую неделю приезжают гости в замок Фалькнор – поздравить старого графа и посмотреть на красавицу. Вторую неделю охотники Франц и Ларре рассказывают, как, проверяя силки, наткнулись в лесу на девицу.

– И я говорю Францу: до чего ж она похожа на покойную госпожу графиню!

– Нет, это я тебе сказал, что она похожа на покойную госпожу графиню! И мы повели ее в замок, но она с самого начала не сказала ни слова…

– И мы первым делом позвали госпожу кастеляншу…

Знатные гости ахали и вздыхали – прекрасная юная графиня оказалась немой, но, кажется, не глухой. И поди разбери – есть ли в ней хотя бы малый женский ум или же она проста, как годовалое дитя.

– Если бы она заговорила – мы бы поняли, где она жила, как ей удалось убежать, кого нужно покарать смертью! – рассуждали господа. – Но, с другой стороны, немая жена – дар небес. Только как ей растолковать про женихов и свадьбу?

Да, разумеется, сразу появились женихи: даже бедная племянница в роду Фалькноров могла найти себе хорошего мужа, а Иоланта фон Фалькнор – невеста на вес золота.

Особенно когда нарядили ее в алое платье, когда вплели в косы сверкающие ленты и уложили их на голове высокой короной, когда унизали ее белые пальцы драгоценными перстнями! А уж когда малость подрумянили ее ослепительно белое, словно из мрамора выточенное, лицо, так и вовсе стало понятно: равных ей нет.

Но первые женихи были немало ошарашены – красавица попросту отворачивалась от них. Молча отворачивалась, всем видом показывая: до чего ж вы мне скучны, господа…

– Уж не дурочка ли? – совещались они. – Взгляд вроде умный, а как станешь разбираться, так дурочка…

Они подкупали горничных и старую кастеляншу, которая помнила графиню Иоланту еще крошкой. Сведения были скудные: девица ведет себя кротко, не капризничает, ходит вдоль длинных ковров со сценами из придворной жизни и с любопытством разглядывает их.

Не знали горничные, что за полночь Иоланта Церфесса поднимается с постели и идет в дворцовый сад. Там в зарослях белого шиповника есть в земле совсем неприметная ямка, и к этой ямке снизу ведет нора…

Альвриг Эйтри знал, откуда выкрали Иоланту. Он давно это знал, купив сведения у старого альврига Иртти. Зачем? На всякий случай. Он много чего припасал на всякий случай. Может настать день, когда Старшие решат: достаточно властвовала королева, что-то больно поумнела, нужна новая. Вот тогда, пожалуй, от сведений будет прок.

Но они потребовались раньше.

Добраться до Фалькнора было нелегко – и Эйтри не был цвергом, привыкшим рыть землю, и Иоланта Церфесса за всю жизнь ни одной самой короткой норки не прокопала. Но Эйтри сумел нанять двух старых цвергов, когда после проигранного боя внизу была большая суматоха, а наверху остались не только убитые, но и раненые. Его заклинаний хватило, чтобы подлечить двух покалеченных стариков. Пока Старшие всюду искали королеву, она пряталась в подвале башни, именуемой Толстая Геррет, а потом все вчетвером ушли.

За это время Эйтри с цвергами проникли в погреба горожан и запаслись продовольствием.

Когда цверги прокопались в замковый сад, Эйтри оставил их жить внизу, в маленькой пещере. Он был предусмотрителен, этот маленький альвриг.

Замысел его был прост: по людским меркам Церфесса – редкая красавица, значит, молодой владелец Зеленого Меча непременно должен ее полюбить. Настолько альвриг людские повадки знал. Главное – отыскать его, а там уж умница Церфесса сообразит, как погубить и бойца, и его оружие. И потом, когда страшное оружие будет уничтожено, королева и ее хитроумный альвриг с победой вернутся вниз. Тогда-то он станет не просто Старшим – он возглавит тройку Старших, и ему передадут те заклятия власти, которые не произносятся вслух, а рисуются точными движениями корявых и когтистых черных пальцев, ударяющих по язычкам пламени, обрамляющим рот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.